

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАНИИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

КЛУБ СМЕРТНИКОВ. ХРОНИКИ МРАКА

Даниил Алексеевич

Клуб смертников. Хроники Мрака

«Автор»

2026

Алексеевич Д.

Клуб смертников. Хроники Мрака / Д. Алексеевич — «Автор», 2026

В уединенном дачном поселке, на своей секретной Базе, Даня и его друзья играли с силой, способной двигать миры. Они были молоды, всемогущи и опасно самонадеянны, веря, что держат Вселенную за горло. Но их игры закончились. Когда в их мир вторгается Кара — настоящая, древняя Богиня Смерти — их уютная реальность рушится с оглушительным треском. Друзья гибнут в муках, доверие превращается в яд, а цена за подростковую гордыню оплачивается кровью. Чтобы противостоять абсолютному злу, лидеру команды Дане приходится принять тьму внутри себя. Он должен стать холодным, безжалостным Супериурным Мраком — оружием, выкованным из горя и ненависти. Но что, если эта сила потребует от него пожертвовать не только своей душой, но и теми, кого он поклялся защищать? В этой войне с богами иллюзий больше нет. Есть только цена, которую придется заплатить за выживание. И она будет страшной.

© Алексеевич Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава 1. Иллюзия всемогущества и Кара	9
Глава 2. Сорок дней тишины	13
Глава 3. Красный след	15
Глава 4. Преступление и познание	17
Глава 5. Цена лжи	21
Глава 6. Затишье перед бурей	24
Глава 7. Операция «Ни слова Дане» провалена	26
Глава 8. Предатель	28
Глава 9. Горько!	31
Глава 10. Башня Безысходности	34
Глава 11. Анатомия паранойи	37
Глава 12. Идеальный паразит	41
Глава 13. Свой среди чужих	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Даниил Алексеевич
Клуб смертников. Хроники Мрака

ПРОЛОГ

Место: База в Садах

Время: за полгода до основных событий (Январь)

Атмосфера: Слепая беспечность

За окном старого дачного домика выл пронзительный январский ветер, бросая пригоршни колючего снега в заледеневшие стекла.

Но внутри, на Базе, было тепло и безопасно. В железной печке-буржуйке уютно потрескивали березовые дрова, наполняя маленькую комнату запахом дыма и хвои.

Настя лежала на продавленном диване, закинув ноги на подлокотник и умиротворенно положив голову Дане на колени. Ее светлые волосы разметались по его потертым джинсам.

Даня сидел, прислонившись спиной к стене, и лениво перелистывал страницы потрепанной, обтянутой потемневшей кожей тетради. Они нашли этот безымянный дневник пару часов назад, когда Вова, споткнувшись, случайно проломил гнилую доску на чердаке.

— Слушай, ну это просто смешно, — фыркнул Даня. Он поправил съехавший с Насти плед и пододвинул тетрадь ближе к свету керосиновой лампы. — Какие-то местные подростки, которые тусовались на этой даче до нас, явно перечитали дешевого фэнтези. Послушай, какой пафос.

Даня прочистил горло, сделал максимально серьезное, трагичное лицо и, подражая голосу диктора из трейлеров к фильмам ужасов, начал читать вслух:

«Те, кто мнят себя богами, забывают о том, как больно падать.

Вы жонглируете искрами, играете с тенями, ломаете законы физики и думаете, что держите этот мир на коротком поводке. Вы — дети, которые нашли заряженный пистолет и решили, что это волшебная палочка.

Какая наивная, высокомерная глупость.

Эта сила не дается просто так. Бездна, в которую вы так беспечно заглядываете ради забавы, не пуста. И она не нападает с мечом. Она просто ждет, когда вы сами сорвете предохранители в своей голове.

За каждое сотворенное чудо придется платить. И когда придет время расчета, ваша магия вас не спасет. Бездна не берет оплату энергией.

Она берет оплату теми, кого вы любите».

Даня с громким хлопком закрыл кожаную тетрадь и отбросил ее на журнальный столик.

Он не выдержал и рассмеялся. Искренне, звонко, абсолютно беззаботно.

Настя хихикнула, переворачиваясь на бок и заглядывая ему в глаза.

— Боже, какая мрачная графомания, — она покачала головой, улыбаясь. — Спорим, этот дневник написал какой-нибудь пятнадцатилетний нефор-дотер, которого девчонка бросила)?

— Ага. Только мы-то настоящие, а не ролевики с деревянными мечами, — самодовольно ухмыльнулся Даня.

Он даже не пошевелился. Просто небрежно щелкнул пальцами.

Маленькая, послушная, абсолютно ручная тень скользнула по полу от его кроссовки к старому шкафу. Теневое щупальце мягко, словно шелковая лента, обхватило ручку железной кружки с остывшим чаем и, проскользив по воздуху, вложило ее прямо в руки Насти.

— Выпендрейник, — Настя ласково поцеловала его в ладонь, обхватывая кружку. — Тратишь ману на доставку напитков. Если старейшины из Совета узнают, они отберут у нас Базу за нецелевое использование сил.

— Пусть только попробуют сунуться, — Даня откинул голову на стену, поглаживая Настю по плечу. Его карие глаза светились теплом и абсолютной, непробиваемой уверенностью в себе. — У нас всё под контролем. Наша магия идеальна. И уж точно никакие «страшилки из дневника» не заставят нас платить какую-то там цену. Это просто глупая сказка, Насть. Мы сильнее их всех.

Это был январь. За шесть месяцев до того, как в их двери постучится настоящая катастрофа.

Они сидели в теплой комнате, смеялись над чужим предупреждением и искренне верили в свою неуязвимость. Они не знали, чьей рукой были написаны эти строки, и понятия не имели, насколько математически точным окажется это предсказание.

Таймер их личного конца света уже тикал, отсчитывая последние месяцы спокойной жизни.

Но пока что... пока что им было просто тепло и весело.

Глава 1. Иллюзия всемогущества и Кара

Место: База в Садах

Время: за две недели до Конца Света

База в Садах пахла так, как должно пахнуть идеальное лето: дешевым средством от комаров, дымом от березовых углей, сладким яблочным сидром и пыльной обивкой старого дивана.

Это был старый, покосившийся дачный домик на самом краю поселка, который они общими усилиями отвоевали у грызунов и превратили в свой личный штаб. Сюда не заходили взрослые. Здесь не было правил. Здесь они были богами.

— Захар, если ты сожжешь это мясо, я клянусь, я засуну эти шампуры тебе в... — начал было Даня, развалившись на старом диване и закинув ноги на журнальный столик.

— Спокойно, Президент, — густым, добродушным басом рассмеялся Захар, переворачивая шипящие куски свинины на ржавом мангале у открытого окна. Огромный, широкоплечий парень даже не поморщился, когда раскаленная капля жира брызнула ему на голое предплечье. Его базовая кинетическая защита работала как часы. — У Бессмертного Стража всё под контролем. Машуль, подай соль!

Маша, сидевшая на подоконнике с ногами, ласково улыбнулась, прыгнула вниз и, подойдя к Захару со спины, обняла его за широкую талию, передавая солонку. Они смотрелись комично — миниатюрная, кудрявая Маша и двухметровый Захар — но они светились таким спокойным, домашним счастьем, что на них было приятно смотреть.

В углу комнаты, скрестив ноги по-турецки, сидел Вова. Он с увлеченным видомковырялся отверткой во внутренностях старого радиоприемника, пытаясь припаять к нему кристалл-накопитель. Аня — младшая сестра Дани — сидела рядом, положив голову ему на плечо, и с интересом наблюдала, как Вова ругается сквозь зубы каждый раз, когда инструмент соскальзывает.

Игорь и Алина сидели на полу, играя в карты на желания. Алина звонко, заливисто смеялась, когда Игорь в очередной раз пытался смухлевать, незаметно используя телекинез, чтобы подсмотреть ее масть.

Даня наблюдал за своей командой, и его грудь наполнялась теплой, тягучей гордостью.

Они были Клубом. Они называли себя Хранителями. Даня искренне верил, что эта маленькая, собранная из подростков армия — сила, с которой придется считаться всему миру. Они играли в магию, швырялись искрами, двигали предметы силой мысли и думали, что держат Вселенную за горло.

— Эй, Мрак, — Настя плюхнулась на диван рядом с ним, толкнув его бедром. Ее светлые волосы пахли шампунем и дымом костра. Она кивнула на пустую пластиковую бутылку на столе. — Будь другом, достань еще газировки из холодильника. Мне лень вставать.

Даня ухмыльнулся, обнимая ее за плечи и притягивая к себе.

— Как скажете, миледи.

Он даже не пошевелился. Он просто щелкнул пальцами.

Тьма, послушная и ручная, скользнула по полу от его ботинка к старому советскому холодильнику в углу. Теневое щупальце мягко обхватило ручку, открыло дверцу, достало холодную бутылку колы и, проскользив по воздуху, вложило ее прямо в руки Насти.

— Выпендрейник, — хмыкнула Настя, но поцеловала его в щеку, скручивая крышку. — Тратишь ману Бездны на доставку напитков. Совет Хранителей бы тебя распял.

— Совет Хранителей может идти к черту, — самодовольно ответил Даня, откидывая голову на спинку дивана. — Мы сами по себе. Мы сильнее их правил.

В другом конце комнаты, у книжного шкафа, стояла Лена.

Она была тихой, незаметной девочкой, которая прибилась к их компании пару месяцев назад. У нее почти не было дара. Сейчас она, закусив губу и покрывшись испариной, пыталась зажечь крошечный магический огонек на кончике пальца. Искра мигнула и тут же погасла с жалким пшиком.

Лена разочарованно опустила руку. В ее глазах промелькнула острая, колючая зависть, когда она посмотрела на Даню, небрежно жонглирующего тенями, и на Настю, сияющую рядом с ним.

«Я тоже хочу быть сильной, — читалось в ее взгляде. — Я устала быть никем».

Даня не придавал этому значения. Это была просто Лена. Слабое звено, которое они защищали из жалости.

Он закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Запах костра. Смех Алины. Ворчание Вовы. Тепло Насти под боком.

В тот вечер Дане казалось, что это идеальное, золотое время будет длиться вечно. Что они бессмертны. Что никакое зло не осмелится переступить порог их Базы.

Какая невыносимая, высокомерная глупость.

Время: Две недели спустя. 16:00.

Память о теплом летнем вечере разлетелась вдребезги, выбитая из головы Дани чудовищным приступом мигрени.

Воздух на Базе больше не пах дымом костра и сидром. Он пах гнилой медью, озоном и животным, липким потом. Духота в комнате исходила не от палящего солнца за окном — окна вообще казались сейчас границей с другой реальностью. Воздух стал плотным, как кисель, от чудовищного магического напряжения, которое невидимыми тисками сдавило грудную клетку каждого присутствующего.

Смех исчез. Алина больше не улыбалась. Маша в ужасе жалась к Захару, а Вова заслонял собой Аню.

В самом центре комнаты, прямо на том месте, где они когда-то играли в карты, стояла Лена.

Но это была не та тихая, забитая девочка.

Ее плечи мелко, лихорадочно тряслись, грудная клетка вздымалась от прерывистого, сиплого дыхания. В побелевших от напряжения пальцах она сжимала длинный охотничий кинжал. Холодное лезвие ловило тусклый свет лампы и бросало рваные блики на бледные, искаженные паникой лица ее бывших друзей.

— Всем молчать! — крик Лены ударил по барабанным перепонкам, сорвавшись на пронзительный, скрежещущий визг. В этом звуке не было ничего человеческого. Это был скулеж загнанного в угол зверя, готового вцепиться в глотку. — Если кто-то приблизится... я убью вас! Я клянусь, я пережеву вам всем глотки!

Даня, стоявший в шаге от остальных, инстинктивно подался вперед. Президент. Хранитель. Негласный лидер, привыкший решать любые проблемы щелчком пальцев. В его голове бешено крутились шестеренки. Он был уверен в себе. Он помнил, как легко доставал колу

теньями. Он думал, что его авторитета, его статуса хватит, чтобы погасить этот всплеск подросткового безумия.

Это было самонадеянно. Это было фатально.

Пол под его кроссовками тихо скрипнул, когда он сделал шаг.

— Лена, успокойся, — начал Даня мягко, выставляя руки ладонями вперед в примирительном жесте. — Просто положи нож на стол. Никто не хочет причинять тебе вред. Ты в безопасности...

Слова застряли у него в горле, превратившись в кусок сухого пепла.

Лена медленно подняла на него взгляд.

И в ту же секунду ее лицо дрогнуло, словно поплывший от жары воск. Сквозь мокрые дорожки слез, сквозь искаженную маску паники вдруг начала проступать радость. Жуткая, неестественная, ломающая анатомические пропорции лица радость.

Углы ее губ поползли вверх, растягиваясь в улыбке, которая физически не могла принадлежать человеку — слишком широкая, слишком хищная, обнажающая десны.

Глаза, смотревшие на Даню, больше не искали помощи. Они смотрели на него, как патологоанатом смотрит на лягушку перед вскрытием.

— Ну что... поняли?!!!

Голос, вырвавшийся из хрупкого горла девочки, заставил стекла в окнах Базы мелко задребезжать. Он изменился до неузнаваемости: высокий девичий тембр рухнул вниз, став низким, грубым, вибрирующим, словно состоящим из тысяч мертвых голосов, говорящих одновременно. От этого звука заныли корни зубов.

Лена — или то, что сейчас находилось внутри нее — получило ту силу, о которой девочка так молила.

В следующую секунду пространство вокруг них словно провалилось в безвоздушную яму. Даня почувствовал, как невидимая кувалда ударила его по плечам, заставляя согнуться.

Уровень магического давления в комнате рухнул до критической, несовместимой с жизнью отметки -120.

Дышать стало невозможно. Гравитация будто увеличилась втрое. Старый, громоздкий платяной шкаф, стоявший у стены годами, протяжно, мучительно скрипнул. Его деревянные панели не выдержали вибрации чудовищной, древней ауры, заполнившей маленькую комнату. С оглушительным грохотом шкаф рухнул лицевой стороной вниз, подняв облако пыли.

Визг. Глухие удары тел о пол.

Даня краем глаза увидел, как Алина и Настя, не выдержав резкого скачка давления и агрессивного всплеска темной энергии, обмякли, провалившись в глубокий, неестественный обморок. Они просто рухнули на ковер, словно марионетки с обрезанными нитями. Захар с рычанием упал на одно колено, закрывая собой Машу, его гранитная защита трещала по швам.

Но Даня остался стоять. Мрак внутри него инстинктивно, в панике сопротивлялся давлению, удерживая позвоночник прямым. Он стоял и смотрел на существо, которое только что носило лицо их тихой, завистливой подруги.

Ужас ледяными когтями сжал его внутренности. Понимание того, что именно сейчас прорвалось в их маленький, иллюзорный мирок, накрыло его с головой. И вместе с этой горечью, с осознанием абсолютного краха всего, что он пытался построить, пришло что-то еще. Защитная реакция психики, летящей в пропасть.

Лицо Дани застыло. Мышцы свело судорогой. А затем из его груди вырвался звук.

Сначала тихий, похожий на всхлип. Затем громче. Даня смотрел на разгромленную Базу, на издевательски улыбающегося монстра с ножом, на лежащих без сознания подруг — и смеялся.

Это была истерика в ее самой чистой, первобытной форме. Он хохотал в голос, надрывно и страшно, не в силах остановиться, пока по его щекам, обжигая холодную кожу, текли горячие, бесконтрольные слезы.

В тот день, под аккомпанемент этого безумного смеха, сломался не только старый шкаф. В тот день с хрустом переломилась жизнь каждого из них.

Иллюзия их всемогущества была уничтожена. Начиналась Эпоха Смерти.

Глава 2. Сорок дней тишины

Место: Сады (Дачный поселок)

Время: 40 дней после трагедии

Состояние напряжения: 89%

Сорок дней. В религии считается, что именно на сороковой день душа человека в последний раз обходит места своей земной жизни, прежде чем навсегда покинуть этот мир и предстать перед судом. Даня не знал, как работают эти законы теперь, когда он воочию видел изнанку мироздания, но одно он знал точно — сегодня он обязан выйти из комнаты. Это было святое. Надо помянуть.

Выбраться из кровати оказалось сродни подвигу. За эти недели Даня похудел, под глазами залегли глубокие, почти черные тени, а кожа приобрела нездоровый, сероватый оттенок. Он сидел на краю смятой постели и смотрел на экран смартфона так, словно это была неразорвавшаяся граната.

Нужно было звонить. Собрать команду.

Пальцы предательски дрожали, когда он листал список контактов. Каждый гудок в динамике отдавался тупой болью в висках. Все, кому он дозванивался, обещали прийти. Но как же страшно звучали их голоса. В них не было радости от того, что их лидер, их друг наконец-то вышел на связь. Голоса звучали приглушенно, сухо, виновато. Они говорили с ним так, словно он тяжело и неизлечимо болен.

Через час Даня уже стоял у старых, облупившихся ворот Садов. Осенний ветер гнал по растрескавшемуся асфальту сухие листья и мелкий мусор. Когда-то этот дачный поселок был их королевством. Здесь они жгли костры, строили планы, влюблялись, ссорились и мирились. Здесь они играли в магию, пока магия не пришла за ними сама.

«Как я буду смотреть им в глаза?» — эта мысль пульсировала в голове, отравляя каждый вдох. Он сжал кулаки, пряча их в карманы куртки. — «Я называл себя Президентом. Я мнил себя Героем. Хранителем. Я думал, что мне подвластно всё. Но когда в нашу дверь постучалось настоящее зло, я оказался просто испуганным, жалким пацаном. Я не смог остановить Кару. Я позволил этому случиться».

Кара. Одно только мысленное произнесение этого имени вызывало первобытный озноб вдоль позвоночника. За время своей изоляции Даня перерыл все доступные ему ментальные архивы и старые гримуары. То, что он узнал, лишило его последних остатков сна. Кара была не просто демоном. Она была древней сущностью Смерти. Идеальным механизмом зачистки, созданным для того, чтобы убивать целые миры за слишком низкий «процент веры». Самое страшное, самое безжалостное изобретение Бога. Абсолютное оружие, у которого сломался предохранитель.

И теперь это оружие гуляло по их улицам.

Дорога до Базы показалась ему бесконечной. Когда он толкнул знакомую дверь, в нос ударил запах, от которого к горлу подкатил ком. Запах плавящегося воска, пыли и дешевого коньяка.

База была оформлена в гнетущем, траурном стиле. Кто-то повесил зеркало черной тканью, по стенам были пущены черные ленты. На грубо сколоченном деревянном столе горели толстые свечи, их неровное, дерганое пламя отбрасывало на стены уродливые, пляшущие тени.

Но самое страшное было не в декорациях. Страшно было от того, как мало людей пришло.

За длинным столом, ссутулившись и пряча глаза, сидели только четверо: Захар, Маша, Вова и Егор. Они молчали. Тишина в комнате была настолько густой, что казалось, ее можно резать ножом. Уровень напряжения балансировал на критической отметке в 89%. Воздух искрился от невысказанных обид, страха и горя.

Даня тяжело опустился на скрипучий стул во главе стола.

— А где остальные? — его голос прозвучал глухо, словно из-под земли, и сам Даня едва узнал его.

Вова, сидевший напротив, нервно покрутил в руках пластиковый стаканчик. Он так и не поднял взгляда на Даню, продолжая сверлить глазами столешницу.

— Настю родители не пустили, — тихо, почти шепотом ответил он. — После того случая... ну, когда девчонка сорвалась... они боятся. Вообще никуда ее не выпускают. Под домашним арестом.

Даня стиснул челюсти до скрежета. Настя. Одно только упоминание ее имени больно кольнуло где-то под ребрами. Ему так нужна была ее поддержка сейчас, но он не имел права ничего требовать.

— Понятно, — коротко кивнул Даня, стараясь сохранить лицо. — Кто еще?

— Витя и Игорь уехали в город за нормальной едой, тут одни сухарики остались, — отозвался Захар. Его голос был хриплым, он обнимал Машу за плечи, словно пытаясь защитить ее от всего мира. — Никита с одиннадцатой аллеи все еще дома, он так и не восстановился после той травмы ноги. А Алину и Никиту, брата твоего, мы минут двадцать назад отправили до магазина за алкоголем. Скоро должны быть.

Даня обвел взглядом комнату. Пустые деревянные стулья, расставленные вокруг стола, выглядели пугающе. Они напоминали выбитые зубы в когда-то широкой, счастливой улыбке их компании.

Раскол уже начался. Команда, которая считала себя непобедимой, трещала по швам, и они все это понимали, просто боялись сказать вслух.

Глава 3. Красный след

Место: База

Время: 18:00

Стрелки старых настенных часов, казалось, двигались в киселе, неумолимо ползя к шести вечера. За окном уже начали сгущаться глубокие сумерки, окрашивая Сады в тревожные, чернильные тона.

Они сидели в гнетущем молчании. Каждые несколько минут кто-то молча поднимал пластиковый стаканчик с горьким суррогатом, они чокались в воздухе, не глядя друг другу в глаза, и выпивали. Алкоголь обжигал горло, но не приносил ни капли облегчения, не мог заглушить тупую боль внутри.

Внезапно раздался оглушительный грохот.

Входная дверь распахнулась с такой первобытной яростью, что металлические петли жалобно взвизгнули, а дверная ручка с хрустом пробила вмятину в гипсокартоне стены. От резкого порыва ледяного ветра пламя нескольких свечей на столе разом погасло, погрузив половину Базы во мрак.

В дверном проеме стоял Никита. Тот самый Никита, которого они недавно отправили в магазин вместе с Алиной.

Маша испуганно вскрикнула, Захар инстинктивно вскочил, опрокинув стул.

Никита выглядел так, словно только что выбрался из мясорубки. Он был бледен, как свежесвыпавший снег, его лицо приобрело серовато-зеленый оттенок. Парня била крупная, неконтролируемая дрожь — он трясся так сильно, что слышалось, как стучат его зубы. Грудная клетка ходила ходуном, он хватал ртом воздух, издавая жуткие, свистящие звуки. По его щекам, оставляя грязные дорожки, текли непрерывные слезы.

— Там... там... — он попытался что-то сказать, но изо рта вырвался лишь жалкий, сдавленный сип. Он не мог связать и двух слов, его разум явно отключился, уступив место животной панике.

Апатия Дани испарилась в долю секунды. Смертельная усталость, давившая на плечи последние сорок дней, выгорела дотла, смытая чистым адреналином. Президент вернулся.

Даня оказался рядом с Никитой за два быстрых шага, жестко схватил его за плечи, впинаясь пальцами в куртку, и сильно встряхнул.

— Что случилось?! Говори! Где Алина?!

Никита сделал глубокий, судорожный вдох, захлебываясь воздухом, словно утопающий, вынырнувший на секунду из-под воды. Его глаза были расширены до предела, в них плескался абсолютный, ничем не сдерживаемый ужас.

— Я... я попросил Алину подождать меня у калитки! — голос Никиты внезапно сорвался на визг, от которого у присутствующих заложило уши. — Я забыл кошелек! Понимаешь?! Просто забыл кошелек в куртке на скамейке. Я только сбегал туда и обратно! Три минуты, Даня! Всего три гребаных минуты! Я вернулся... а ее нет.

Никита вцепился ледяными, трясущимися пальцами в кофту Дани, сминая ткань.

— Там был только след. Понимаешь? На асфальте. Густой, свежий красный след... прямо в сторону лесопосадки. Как будто мешок с мясом тащили.

В комнате воцарилась мертвая, звенящая тишина. Слышно было только тяжелое, рваное дыхание Никиты и то, как капает воск со свечей. Сердце Дани пропустило удар, а затем забило с бешеной, болезненной скоростью, разгоняя по венам холод.

— Я не думал... я побежал туда, — продолжил Никита, и теперь его голос упал до жуткого, сиплого шепота. — Пошел по крови, прямо в лес. И... и я увидел. Даня, это была самая злая, самая больная шутка на свете.

Никита зажмурился так сильно, что на его лице обозначились глубокие морщины, словно пытаюсь стереть выжженную на сетчатке картинку, но безуспешно.

— У нее была сквозная дыра в животе. Огромная, рваная дыра. Кровь просто... везде. Ее глаза были открыты, они были полны такой боли, что меня чуть не вырвало прямо там. Но ее губы... Даня, она улыбалась! Мертвая, разорванная на части, и с такой широкой, неестественной, счастливой улыбкой!

Даня почувствовал, как доски пола буквально уходят из-под ног. Комната накренилась. Та самая жуткая, ломающая лицо улыбка безмянной девочки с кинжалом из первой главы яркой вспышкой всплыла в его памяти. Подпись убийцы.

— И я увидел Ее, — Никита открыл глаза и посмотрел прямо в лицо Дане. В его взгляде читалось безумие человека, заглянувшего за грань реальности. — Она стояла прямо над трупом Алины. Высокая. Кожа бледная, как мел, длинные черные волосы, заплетенные в тугую косу. От нее несло могильным холодом. Я не думал, что делаю... я просто достал раскладной нож и бросился на нее. Я ударил!

Никита всхлипнул, вытирая нос грязным рукавом куртки.

— Я зацепил ее. Лезвие скользнуло по спине, и я клянусь, я зацепил крыло! Огромное, черное крыло! Она закричала, звук был как у сирены, отбросила меня потоком воздуха и просто улетела вверх. Растворилась в ночном небе.

Снова повисла тишина. Тяжелая, удушающая.

Егор, все это время сидевший в углу словно изваяние, вдруг издал странный звук. Короткий, нервный, истеричный смешок. Он быстро прикрыл рот рукой, но звук уже прозвучал. Человеческая психика отказывалась принимать такой уровень сюрреализма. Наверное, часть мозга Егора цеплялась за спасительную мысль, что Никита просто перепил, что у него поехала крыша от горя, что это какой-то больной, идиотский пьяный бред.

Но Даня не смеялся. Он отпустил плечи Никиты и медленно выпрямился.

Мрак, спавший внутри него все эти два месяца, заворочался, отзываясь на призыв. Холодная, вязкая, тяжелая энергия потекла по венам, замораживая человеческий страх, вытравливая горечь, оставляя после себя только чистый, кристальный расчет хищника.

Он посмотрел на своих друзей. Лицо Дани окончательно утратило все подростковые черты, превратившись в бесстрастную, каменную маску. Его глаза неуловимо потемнели.

— Пошли, — коротко, стальным, не терпящим возражений тоном скомандовал он.

Никто не посмел спорить.

Глава 4. Преступление и познание

Место: Лесопосадка на окраине Садов

Время: 21:00

Лесопосадка всегда пользовалась дурной славой среди местных, но сегодня она казалась не просто мрачным местом, а открытой пастью чудовища. Деревья смыкали свои голые, черные ветви высоко над головами, блокируя даже тусклый свет луны. Тишина стояла неестественная, мертвая. Ни шелеста ночных птиц, ни стрекотания насекомых. Природа затаилась, чувствуя присутствие хищника высшего порядка.

Лучи телефонных фонариков нервно дергались, выхватывая из темноты узловатые корни и пожухлую траву. Захар шел первым, держа Машу за руку так крепко, что у нее побелели костяшки. Даня замыкал шествие, шагая абсолютно бесшумно. Его лицо оставалось пугающе спокойным.

Они нашли ее в самом центре глубокого оврага.

Луч фонарика скользнул по земле и остановился. Маша сдавленно вскрикнула, подавилась воздухом и отвернулась, судорожно зажимая рот обеими руками. Захар замер, как вкопанный, не в силах отвести взгляд. Его плечи поникли.

То, о чем говорил Никита, оказалось правдой — и в реальности это выглядело страшнее любых ночных кошмаров. Труп Алины лежал на спине в неестественной, изломанной позе, словно тряпичная кукла, которую с размаху бросили о землю. В самом центре ее живота зияла огромная, сквозная дыра. Края раны были не просто рваными — они почернели, будто плоть выжгли кислотой или концентрированным вакуумом.

Но самым жутким было не это. Вокруг тела почти не было крови, словно ее выпили досуха за секунды. А на бледном, уже начавшем заостряться лице Алины застыла та самая широкая, безумная, абсолютно искренняя улыбка. Улыбка человека, который перед смертью увидел нечто прекрасное. Или того, чьими лицевыми мышцами управлял кукловод.

Даня подошел ближе. Он не отвернулся. Он опустил на одно колено прямо в грязную листву и приложил пальцы к шее подруги.

Кожа была еще теплой. Смерть наступила всего несколько минут назад, но магический распад уже запустил процесс некроза.

В этот момент последние крохи того обычного, земного Дани — подростка, который любил гулять по Садам и дурачиться с друзьями — умерли. Рассыпались в прах. Внутри него щелкнул невидимый тумблер. Он поднялся с колен. Ни слез. Ни дрожи. Только ледяной, безжалостный холод того, кто веками смотрел в глаза Бездне.

— Надо звонить... надо звонить в полицию... в скорую... — начал заикаться Никита. Его голос дрожал так сильно, что слова сливались в невнятную кашу. Он дрожащими руками попытался разблокировать телефон. — Мы не можем просто оставить ее тут...

Договорить он не успел.

Никита вдруг издал жуткий, булькающий звук, словно ему на шею накинули невидимую удавку из стального троса. Его глаза выкатились из орбит, телефон выпал из ослабевших пальцев на траву. Никита согнулся пополам, и изо рта у него хлынула густая, вязкая, абсолютно черная кровь. Она залила его подбородок, куртку, закапала на кроссовки. Его губы мгновенно приобрели мертвенный бордовый оттенок. С глухим стуком он рухнул на землю, забился в короткой судороге и затих.

— НИКИТА! — заорал Захар, бросаясь к другу. Маша зарыдала в голос, в панике пятясь назад к деревьям.

Но Даня даже не посмотрел на упавшего.

Он медленно поднял глаза от земли и вперил немигающий взгляд в густую темноту леса. Воздух вокруг него начал стремительно меняться. Захар и Маша почувствовали это кожей — пространство завибрировало, издавая низкий, утробный гул, от которого закладывало уши. Запахло озоном, как перед страшной грозой, и старым, ржавым железом.

— Она здесь.

Голос Дани изменился. Он стал глубже, старше, обретя металлические нотки.

То, что произошло дальше, навсегда сломало привычную картину мира остальных.

В мгновение ока Даня просто исчез. Пространство на том месте, где он только что стоял, схлопнулось с резким хлопком, подняв в воздух вихрь сухих листьев. А в десяти метрах впереди, у самой кромки густых зарослей, сооткнулся из черных теней его силуэт.

Он вытянул правую руку, и прямо из воздуха, соткавшись из золотых искр, в его ладони материализовался длинный клинок. Святой Клинок из металла ангелов. От оружия исходил такой невыносимый жар и ослепительно-белый свет, что ночной лес на секунду превратился в день.

Даня нанес сокрушительный удар наотмашь, рассекая пустоту. Меч взрезал воздух со свистом реактивного двигателя, но ступок мрака, прятанный между стволами, текуче, словно вода, увернулся от лезвия.

— Как и двадцать тысяч лет назад, — прорычал Даня, не опуская светящегося клинка. — Такая же верткая зараза. Как тебя только земля носит?

Из пульсирующей тьмы медленно, издевательски грациозно вышел высокий женский силуэт.

— С трудом...

Голос Кары прозвучал как эхо из склепа. Это был загробный, многослойный бас, который, казалось, исходил не из ее рта, а транслировался прямо в мозги стоящих на поляне людей. От этого звука Захар инстинктивно присел, закрывая уши руками, а Маша тихо заскулила.

Они смотрели на Даню, и их сознание отказывалось принимать реальность. Их друг только что телепортировался, достал из воздуха сияющий меч и разговаривал с демоном во плоти так, словно это была рутина.

— Как тебе Земля-4562? — с ядовитой иронией спросил Даня. Клинок в его руке гудел от переизбытка энергии. — Жалко, ты опять всё испортила. Тебе так не терпелось выбраться?

В этот момент в кустах позади них раздался треск ломающихся веток. На поляну, тяжело дыша, вывалилась Настя. Ее волосы были растрепаны, куртка порвана о ветки — она все-таки сбежала из-под домашнего ареста, вылезла через окно и бежала всю дорогу от Базы.

Ее взгляд заметался по поляне: растерзанная Алина, лежащий в луже черной крови Никита, скорчившиеся на земле друзья, и Даня... Даня, стоящий с ангельским мечом напротив существа, сотканного из первобытного мрака.

— Что здесь происходит?! — закричала Настя, ее голос сорвался в истерике. — Никита умирает! Даня, кто это, мать твою, такая?!

Даня медленно повернул к ней голову.

Настя поперхнулась воздухом и сделала шаг назад. Глаза Дани, всегда такие знакомые, родные, карие, сейчас полыхали чистым, гипнотическим фиолетовым огнем. В них больше не было человечности — там вращались мертвые галактики.

— Никита не умирает, — спокойно, почти равнодушно ответил Даня. Врать он умел, научила жизнь. Фиолетовое свечение немного потускнело, когда он посмотрел на Настю, словно ее голос был единственным якорем, удерживающим его здесь. — Он в Лимбо. Это защитная реакция его организма. Он Инфернумный Охотник.

— Инфериумного... кого? — обалдело переспросил Захар, все еще сидя на земле. Его мозг буксовал на каждом слове.

— Потом, — отрезал Даня, вновь поворачиваясь к Каре и перехватывая рукоять меча двумя руками. — Сейчас будет очень жарко. Настя, к Захару. Немедленно!

Кара утробно зашипела, обнажая неестественно длинные, острые клыки. Ее лицо искажилось яростью. Она оттолкнулась от земли, превращаясь в размытое черное пятно, и бросилась в атаку, целясь когтями Дане в горло. Даня присел, его аура вспыхнула, готовясь встретить удар, способный снести половину леса.

Но битвы не случилось.

Воздух между Даней и Карой буквально разорвался пополам. Вспышка золотого света ослепила всех присутствующих. В пространстве с оглушительным треском, похожим на звук рвущегося брезента, образовалась круглая воронка портала, по краям которой вращались древние светящиеся руны.

Из портала, недовольно отряхивая пыль с рукава повседневной куртки, вывалился... Никита.

Но не тот, что лежал на земле в луже черной крови, а Никита с одиннадцатой аллеи. Тот самый парень, который, по словам всех в поселке, должен был лежать дома со сломанной ногой.

Сейчас он выглядел абсолютно здоровым, а от его невысокой фигуры исходила такая подавляющая, абсолютная мощь, что даже древняя сущность Смерти резко затормозила в воздухе, приземлилась на ноги и настороженно оскалилась, попятившись назад.

— Стоять, остолопы! — рявкнул Никита-с-одиннадцатой. Его голос раскатился громом, заставив деревья жалобно заскрипеть.

Даня удивленно моргнул. Фиолетовое пламя в его глазах окончательно погасло, уступив место привычному карему цвету. Он медленно опустил Святой Клинок, лезвие которого перестало гудеть.

— Начальник? — неуверенно, почти с облегчением спросил Даня.

Перед ними стоял не просто подросток с соседней дачи. Это был Хранитель ВПИС — Времени, Пространства, Истории и Событий. Один из столпов мироздания, застрявший в теле мальчишки.

— Никита. Просто зови меня Никита, терпеть не могу этот пафос, — устало отмахнулся Хранитель, потирая переносицу, словно у него болела голова от бесконечной бумажной работы. Затем он перевел тяжелый, многовековой взгляд на демона. — Кара. Ты арестована. Опять.

Кара зашипела, ее когти удлинились, впиваясь в землю:

— Ты не имеешь права! Это моя жатва!

— Четырнадцать суток Чистилища за нарушение протокола изоляции и несанкционированное вторжение, — скучающим тоном перебил ее Хранитель, словно зачитывал штраф за неправильную парковку.

Он просто и небрежно щелкнул пальцами.

Пространство за спиной Кары искажилось. Образовалась черная воронка, из которой с металлическим лязгом вылетели призрачные цепи. Они мгновенно обвили ее руки, шею и талию.

— Я вернусь! — провизжала Богиня Смерти, упираясь ногами в землю, пока воронка неумолимо, дюйм за дюймом, затягивала ее внутрь. Ее абсолютно черные глаза с дикой ненавистью уставились на Даню. — Вы все пожалеете! Я выжгу ваш мир дотла!

С громким хлопком, оставившим после себя вакуумную тишину, портал закрылся, отрезав ее визг. В лесу снова стало тихо.

Хранитель ВПИС поправил воротник куртки, сунул руки в карманы и повернулся к шокированной компании. Он посмотрел на изуродованное тело Алины, затем на лежащего без сознания Инфериумного Никиту, и, наконец, остановил взгляд на Дане.

— Ну и на кой черт вы сюда полезли? Вы же дети, — устало спросил Хранитель. В его голосе звучала тысячелетняя тяжесть. Он кивнул в сторону Алины. — Она убита с помощью Эссенции Мертвых. Это не просто заклинание. Это запрещенная магия. У Кары не было к ней доступа в Лимбо, там стоят блокираторы. Кто-то дал ей ключи. Кто-то пронес ей оружие.

Маша, все еще обнимающая себя за плечи, подняла заплаканное, перепачканное тушью лицо.

— Кто? — прошептала она сорванным голосом. — Кто мог это сделать?

Даня разжал пальцы. Святой Клинок растворился в золотой пыли, осыпавшись на землю. Он посмотрел на Хранителя, и в его взгляде читалось мрачное, пугающее понимание того, как высоко зашла коррупция в их мире.

— Елена, — тяжело произнес Даня.

Это имя повисло в холодном ночном воздухе, словно подписанный смертный приговор.

Глава 5. Цена лжи

Место: Отделение полиции поселка Сады

Время: 06:30 утра (На следующий день после смерти Алины и Никиты)

Атмосфера: Бытовой кошмар

Магия не оставляет следов на бумаге.

Заклинания нельзя приобщить к делу как вещественное доказательство. А Совет Хранителей никогда не спускается с небес, чтобы заполнить протокол осмотра трупа. Всю грязную, человеческую работу они оставляют тем, кто выжил.

В коридоре поселкового отделения полиции гудели старые, мерцающие люминесцентные лампы, заливая обшарпанные зеленые стены трупным, холодным светом. Пахло дешевым растворимым кофе, хлоркой и застарелым сигаретным дымом.

Даня сидел на жесткой деревянной скамье.

Его руки, которые еще несколько часов назад сжимали раскаленный ангельский Клинок и рубили саму ткань пространства, сейчас безвольно висели между колен. На пальцах засохла грязь из лесопосадки.

Рядом, свернувшись в комочек и накинув на плечи полицейский плед, мелко, безостановочно дрожала Настя. Захар и Вова сидели напротив, глядя в замызганный линолеум пустыми, стеклянными глазами. Они не спали. Никто из них не спал.

Дверь кабинета следователя со скрипом открылась. Усталый капитан с мешками под глазами, потирая переносицу, посмотрел на подростков.

— Данилевский, — хрипло позвал он. — Зайди. Почитай и распишись.

Даня медленно, словно глубокий старик, поднялся и вошел в тесный кабинет.

На столе лежали фотографии. Полароидные, грубые снимки с места преступления. На них была запечатлена разорванная грудная клетка Алины с обожженными, черными краями, и лицо Никиты, залитое его собственной, густой, похожей на мазут кровью.

— Эксперты говорят, что девочку растерзало крупное животное. Медведь-шатун или стая диких собак, — следователь тяжело вздохнул, закуривая сигарету прямо в кабинете. — Хотя я в жизни не видел, чтобы зверь так ровно вырывал куски мяса. А пацан... Токсикология еще не пришла, но выглядит так, словно он сожрал горсть крысиного яда вперемешку с кислотой. Кровь свернулась прямо в венах.

Следователь пристально, с подозрением посмотрел на Даню сквозь сизый дым.

— И вы утверждаете, что ничего не видели? Просто гуляли, слышали крик, прибежали и нашли их уже такими? А потом в панике убежали?

Даня смотрел на фотографию улыбающегося мертвого лица Алины.

Мрак внутри него бился о ребра, умоляя вырваться, разорвать этого следователя, сжечь этот участок и кричать на весь мир правду: «*Это была Богиня Смерти! Она разрезала её косой из пустоты, а душу Никиты выжгла демоническая аура!*»

Но Даня знал протокол Совета. Раскрытие Измерения означало мгновенное стирание памяти всего поселка. Стирание личностей.

Он сглотнул сухой ком в горле, загоня Мрак, правду и свою совесть в самый дальний, темный угол разума. Лицо Дани превратилось в каменную маску. Ту самую маску "Президента", за которой он прятал свой страх.

— Да, капитан, — ровным, мертвым голосом, глядя следователю прямо в глаза, соврал Супериурный Мрак. — Было темно. Мы ничего не видели. Мы испугались.

Следователь долго смотрел на него, затем раздраженно выдохнул и придвинул протокол.

— Расписывайся и проваливайте. И чтобы из поселка ни ногой.

Даня поставил кривую подпись и вышел в коридор.

И именно в этот момент входная дверь отделения полиции распахнулась.

Холодный утренний воздух ворвался в помещение, а вместе с ним ворвался крик, от которого кровь стыла в жилах хуже, чем от воя Искарри. Это был крик матери.

В коридор влетела женщина. На ней был накинут поверх ночной рубашки старый плащ, волосы растрепались, ноги в домашних тапочках были перепачканы грязью. Мама Алины.

Следом за ней, поддерживая ее под руку, шел бледный, как полотно, отец Никиты. Ему только что сообщили по телефону, что его сын найден мертвым в лесу.

Мать Алины заметалась по коридору безумным, невидящим взглядом, пока не наткнулась на сжавшуюся на скамейке команду. Ее глаза расширились. Она увидела Даню.

— Даня... — она бросилась к нему, споткнувшись на ровном месте, и вцепилась побелевшими, трясущимися пальцами в воротник его грязной куртки. — Даня, скажи мне, что это ошибка! Скажи, что они перепутали! Моя Аля... она же спала дома! Она сказала, что просто выйдет к вам на пять минут!

Даня стоял, как вкопанный.

Он мог голыми руками искривлять гравитацию. Он мог смотреть в глаза демонам и не отводить взгляд. Но прямо сейчас, перед этой обычной, сломленной горем земной женщиной, Супериурный Мрак чувствовал себя абсолютно, катастрофически жалким.

— Даня, почему?! — женщина зарыдала в голос, ее колени подкосились, и она бы упала, если бы он не удержал ее за плечи. — Вы же всегда были вместе! Ты же лидер! Ты же обещал, что у вас безопасно! Почему ты не защитил ее?! Кто это сделал?!

Отец Никиты подошел ближе. Здоровый, крепкий мужик сейчас плакал беззвучно, слезы просто текли по его щекам.

— Мой сын... — сипло выдавил он. — Что вы там делали, Данилевский? Наркотики? Сектанты? Что вы от нас скрываете?!

Настя на скамейке закрыла уши руками и зажмурилась, не в силах это слушать. Захар отвернулся к стене.

Даня смотрел в полные абсолютного, животного отчаяния глаза матери своей подруги. Глаза женщины, которая еще вчера угощала их всех пирожками на веранде. Женщины, жизнь которой час назад закончилась.

Ему нужно было снова солгать. Ради Равновесия. Ради этого проклятого магического мира, который перемалывал их, как мясорубка.

Даня опустил глаза. Тьма внутри него удовлетворенно, холодно обволокла его сердце, замораживая остатки эмпатии. Эмоции мешали. Эмоции причиняли боль. Чтобы выжить, нужно было стать механизмом.

— Это было животное, тетя Лена, — тихо, но абсолютно четко, не моргнув глазом, произнес Даня.

Женщина замерла, ее рыдания на секунду прервались.

— Животное? — непонимающе прошептала она.

— Да. Огромная, дикая собака. Может, медведь, — Даня поднял на нее пустой, вымороженный взгляд. Ложь лилась с его губ гладко и смертоносно, как яд. — Было темно. Она напала со спины. Алина... она не успела ничего понять. Это было быстро. Она не мучилась. А у Никиты просто не выдержало сердце от испуга, он упал. Мы пытались их отбить, но не смогли. Простите нас.

Это была самая жестокая, самая грязная ложь в его жизни.

Алина мучилась. Кара разрезала ее заживо и заставила улыбаться, пока она захлебывалась кровью. А Никита умирал в агонии, пока демоническая аура выжигала его легкие.

Но мама Алины, услышав слова "она не мучилась", издала долгий, сдавленный стон и окончательно осела на пол, закрыв лицо руками. Она поверила. Обычным людям проще поверить в дикую собаку, чем в то, что древние боги вернулись на Землю, чтобы играть их детьми.

Дежурный сержант подошел и мягко, но настойчиво увел бьющуюся в истерике женщину и отца Никиты вглубь коридора, подальше от подростков.

Даня остался стоять посреди пустого коридора под мигающей лампой.

Он чувствовал на себе взгляды своей команды. Захар, Вова и Настя смотрели на него. Они видели, с какой пугающей, нечеловеческой легкостью он только что солгал убитой горем матери, глядя ей прямо в глаза.

В этот момент они впервые по-настоящему испугались своего лидера.

— Пошли отсюда, — сухо, не оборачиваясь, бросил Даня и толкнул тяжелую входную дверь.

Он вышел на крыльцо полицейского участка, под морозящий серый дождь.

Даня посмотрел на свои руки. Он понял одну простую, необратимую вещь: он больше не подросток. Он больше не человек. Человек только что сломался бы под тяжестью вины и признался во всем.

А Даня просто сделал глубокий вдох, позволил Мраку окончательно запечатать его душу в глухой, непроницаемый панцирь и зашагал прочь по мокрому асфальту.

Он готовился к войне. И на этой войне не было места для слез.

Глава 6. Затишье перед бурей

Место: Сады (Спустя несколько недель)

Жизнь — удивительно упрямая штука. Даже когда ткань реальности трещит по швам, а боги спускаются на землю, чтобы убивать, человеческая психика отчаянно пытается цепляться за привычную рутину.

После той ночи в лесопосадке Сады изменились. Деревья казались слишком черными, тени — слишком длинными, а тишина по вечерам давила на уши. Команда пыталась войти в прежнюю колею, делать вид, что они все еще просто подростки на летних каникулах. Но получалось откровенно плохо. Травма висела над ними невидимым, удушливым куполом.

А там, где есть невысказанный страх, всегда рождается агрессия.

— Да где они, твою мать?! Я сигареты забыл!

Яростный, раздраженный крик Дани разнесся по четвертой аллее, распугав ворон на старых яблонях. Он нервно хлопал себя по карманам куртки, шаря взглядом по деревянному столу возле Базы. Это была абсолютная мелочь, бытовая ерунда, но его нервы были натянуты как струны, готовые лопнуть в любую секунду.

— Хватит орать! — тут же, словно спичка, брошенная в бензин, вспыхнула Настя. Она вышла на крыльцо, скрестив руки на груди. В ее глазах блестели злые слезы. — Ты последние три дня только и делаешь, что рычишь на всех! Если ты потерял свои сигареты, это не повод срывать на мне!

Их ссоры давно стали мрачной легендой Садов. Даня и Настя были сложной, изломанной парой. Год назад они расстались так громко, что об этом знали даже в соседних поселках — с битьем посуды, хлопаньем дверей и потоком ядовитых взаимных обвинений. Настя тогда, в попытке ударить побольнее, бросила ему в лицо, что дружит с Захаром исключительно из-за его денег. Это была откровенная ложь, грязная попытка задеть гордость, но Даня, чья натура требовала абсолютной преданности, воспринял это как нож в спину.

Они сошлись снова, но трещина осталась. И сейчас, после появления Кары, эта трещина грозила превратиться в пропасть.

— Я не на тебя срываюсь! — огрызнулся Даня, пнув носок кроссовка о деревянную ступеньку. — Я просто хочу найти свои вещи там, где я их оставил!

— Да иди ты к черту, Данилевский! — Настя круто развернулась и скрылась в глубине Базы, с силой захлопнув за собой дверь.

Даня грязно выругался сквозь зубы и тяжело опустился на старую скамейку под навесом. Он закрыл лицо руками, чувствуя, как под кожей, откликаясь на гнев, начинает неприятно покалывать Мрак.

Захар и Егор, сидевшие неподалеку на перевернутых ящиках, молча наблюдали за очередной сценой этой бесконечной драмы.

— Ты опять с ней поссорился? — тихо спросил Егор, когда Даня, мрачнее грозовой тучи, поднял на них воспаленный взгляд.

Даня устало откинулся на спинку скамейки. Вся его подростковая дерзость куда-то испарилась, оставив только смертельно уставшего парня, несущего на плечах слишком тяжелый груз.

— Я не знаю, пацаны, — выдохнул он, глядя в серое небо. — Я правда не знаю. Иногда мне кажется... может, я все еще люблю ее? Ту, прошлую Настю, до всех этих ссор. А может, это просто дурная привычка? Страх одиночества? Все так сложно. Я смотрю на нее и вижу, как она боится меня. Боится того, кем я становлюсь, когда достаю меч.

Захар, который после смерти Алины стал говорить реже, но веселее, задумчиво покрутил в руках травинку.

— Если чувства остались, они никуда не исчезнут, — философски, с какой-то нездешней мудростью заметил Захар. — Как бы вы ни старались их закопать под криками. Вы оба сейчас на нервах. Мы все на нервах. Просто... попробуй поговорить с ней нормально. Без претензий. Без криков. Выключи своего "Президента" и включи Даню.

Даня замолчал. Слова Захара попали точно в цель, пробив броню его раздражения.

Вечер опустился на Сады плотным, влажным туманом.

Внутри Базы горел тусклый свет торшера. Настя сидела на старом диване, подтянув колени к подбородку, и тихо плакала. Ее плечи вздрагивали. Вова, всегда самый эмпатичный из их компании, сидел рядом, неловко поглаживая ее по плечу. Он не знал, какие слова подобрать.

— Я боюсь, Вов, — всхлипывала Настя, размазывая тушь по щекам. — Я так боюсь, что после очередной ссоры он просто уйдет. Телепортируется куда-нибудь в свою Бездну и исчезнет навсегда. Я же вижу, как он отдаляется.

— Не уйду.

Голос прозвучал от входа. Тихий, лишенный всякого металла и холода.

Настя вздрогнула так сильно, что едва не свалилась с дивана. В дверном проеме стоял Даня. На нем не было куртки, плечи были расслаблены.

От резкого скачка адреналина и накопившегося за эти дни эмоционального перенапряжения у Насти потемнело в глазах. Комната поплыла. Она судорожно схватила ртом воздух, чувствуя, как сознание начинает отключаться.

— Эй, эй! — Вова едва успел подхватить ее оседающее тело.

Даня оказался рядом за долю секунды — на этот раз без магии, просто на рефлексах. Он опустился перед ней на колени, осторожно забирая ее из рук Вовы. Его пальцы, холодные после улицы, коснулись ее горячей щеки.

Настя с трудом приоткрыла глаза. Взгляд Дани был чистым, карим и невероятно нежным.

Он наклонился к самому ее уху и прошептал так тихо, чтобы слышала только она:

— Я не хочу страдать, Насть. И я знаю, что ты тоже этого не хочешь. Мы выжили в том лесу не для того, чтобы убивать друг друга здесь. Давай... давай просто попробуем снова? С чистого листа.

Настя слабо кивнула, по ее щеке скатилась последняя слеза. Даня бережно, почти невесомо поцеловал ее в лоб. Он осторожно уложил ее голову на подушку, кивнул Вове, прося присмотреть за ней, и бесшумно вышел на крыльцо, чтобы дать ей прийти в себя.

В этот самый момент в кармане куртки Егора, висевшей на стуле, резко пискнул телефон.

Звук был необычным — не стандартное уведомление мессенджера, а высокий, вибрирующий сигнал, от которого слегка заложило уши.

Егор нахмурился, достал смартфон и разблокировал экран. Смс пришло с неизвестного номера, состоящего из одних нулей.

Текст гласил:

«Вы приняты учеником Хранителя ВПИС. Первое занятие на рассвете. Скажите спасибо своему Герою. — С.»

Егор уставился на экран, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Затишье закончилось. Игры в подростков окончательно подошли к концу.

Глава 7. Операция «Ни слова Дане» провалена

Место: Зал Совета Хранителей (Измерение вне пространства)

Зал Совета Хранителей располагался там, где не существовало ни времени, ни географических координат. Это был карман в ткани мироздания, место абсолютного порядка и абсолютной власти. Огромное помещение в форме амфитеатра было высечено из цельного куска белого, безупречного мрамора, по которому пульсировали тонкие серебряные прожилки чистой маны.

Обычно здесь пахло ладаном, древним пергаментом и холодной вечностью. Но не сегодня.

Сегодня в священных стенах стоял густой, едкий запах озона — верный признак того, что в воздухе разлито слишком много агрессивной магии. А под ним скрывался другой, куда более унижительный для бессмертных существ запах. Запах липкого, холодного страха.

За круглым столом из небесного дуба бушевала какофония голосов.

— Как Кара получила Эссенцию?! — голос Никиты, Хранителя ВПИС, срывался на рык.

Сейчас он меньше всего походил на подростка с одиннадцатой аллеи. Хотя он все еще носил свое человеческое тело, его глаза светились нестерпимым золотым светом, а тень на стене принадлежала многорукому, крылатому существу, сплетенному из часовых механизмов. Он в ярости ударил кулаком по столу, заставив лежащие на нем артефакты подпрыгнуть.

— Защитный контур Хранилища рассчитан на прямое попадание метеорита! А Эссенция Мертвых — это не брелок, который можно незаметно вынести в кармане! — продолжал бушевать Никита, глядя на сидящую напротив Элену. — Ты отвечала за третий сектор!

Элена, Хранительница, чья аура обычно излучала мягкое, успокаивающее тепло, сейчас выглядела загнанной в угол. Ее безупречно белые одежды казались тусклыми.

— Я клянусь своей сутью, я не при чем! — ее голос дрожал от негодования. — Мои печати не были взломаны. Их обошли изнутри. Тот, кто это сделал, имел доступ высшего уровня. Вы не можете обвинять меня только потому, что моя магия резонирует со смертью!

— Мы никого не обвиняем, Элена. Мы констатируем факты, — плавно, словно патока, вмешался Смирение.

В отличие от остальных, Хранитель Смирения выглядел пугающе спокойным. Он сидел, откинувшись на спинку резного кресла, сцепив длинные, бледные пальцы в замок. Его имя было злой иронией: в его глазах не было ни капли смирения, только холодный, надменный расчет.

— Возможно, мы ищем не там, — задумчиво протянул он. — Может, это Грехи? Мы знаем, что они давно точат зубы на наши архивы. Гордыня и Гнев могли объединить силы, чтобы взломать замок и передать Эссенцию Каре, просто чтобы насолить нам.

— Это невозможно, Грехи не могут пересечь границу... — начал было Никита, но осекся. Воздух в Зале Совета внезапно стал тяжелым, как свинец.

Магические светильники, парившие под высоким куполом потолка, разом мигнули и сменили цвет с теплого желтого на мертвенно-бледный. Серебряные прожилки в мраморном полу тревожно запульсировали.

Операция «Ни слова Дане», которую Совет единогласно принял после инцидента в лесопосадке, чтобы не провоцировать нестабильного подростка, с треском провалилась.

Огромные двустворчатые двери из небесного дуба, покрытые резьбой с историей сотворения миров, не просто открылись. Они разлетелись в стороны с такой сокрушительной силой,

что ударились о мраморные стены, оставив в них глубокие трещины. Металлические засовы со стоном вырвало с мясом.

На пороге стоял Даня.

Он не был тем сломленным горем мальчишкой, который прятался в своей комнате сорок дней. Он не был тем растерянным парнем, который пытался успокоить Настю час назад. Перед Советом стоял Супериурный Мрак.

Вокруг его фигуры клубилась Тьма — густая, плотная, похожая на черную воду, текущую вверх. Она пожирала свет в зале, отбрасывая на лица Хранителей уродливые тени. Глаза Дани полыхали абсолютным, безжалостным фиолетовым огнем.

Он шагнул внутрь Зала. Каждый его шаг отдавался гулким эхом, словно поступь палача.

— Если вы, многовековые идиоты, думали, что я не узнаю о краже века, то вы еще глупее, чем кажетесь! — голос Дани не был громким, но он обладал такой плотностью, что физически давил на барабанные перепонки каждого присутствующего. Эхо его слов змеей проползло по амфитеатру.

Он подошел к столу и с размаху бросил на него стопку распечаток — энергетические следы, аномальные графики, данные, которые Вова и Егор по крупницам вытащили из скрытых каналов Совета.

— Кара разгуливает по Земле с оружием массового поражения. Мои друзья умирают. А вы прячетесь здесь и проводите служебные расследования?! — Даня оперся обеими руками о край стола, нависнув над Хранителями. Мерево Тьмы скользнуло по лакированному дереву, заставляя его гнить и чернеть прямо на глазах. — Почему мне не доложили сразу?!

Хранитель Усердия, сидевший справа от Смирения, резко вскочил. Это был мужчина с квадратной челюстью и аурой непоколебимого солдата. В его правой руке мгновенно сформировался вращающийся сгусток боевой магии — раскаленный шар чистой кинетической энергии.

— Данилевский! — взревел Усердие. — Ты забываешься! Ты находишься в Зале Совета! Ты не имеешь права врываться сюда, ты не имеешь права в таком тоне разговаривать с нами...

Даня даже не повернул головы в его сторону. Он просто скосил на него полыхающие фиолетовым глаза.

Мрак вокруг Дани взвился коброй. Невидимая ударная волна гравитации обрушилась на Усердие. Сгусток магии в его руке с шипением погас, так и не сформировавшись, а самого Хранителя отбросило назад. Он рухнул обратно в свое кресло, сдавленно хрипя, не в силах оторвать спину от спинки из-за чудовищного давления.

— Я ХРАНИТЕЛЬ! — рявкнул Даня, и от его крика мраморный стол покрылся паутиной трещин. Тьма заполнила половину зала, отрезая пути к отступлению. — Фактически. Я тот, кто выполняет за вас вашу грязную работу. Я тот, кто стоит между Карой и этим миром.

Даня выпрямился, обеда тяжелым, презрительным взглядом застывших бессмертных. Никто больше не попытался использовать магию. Они поняли то, чего не хотели признавать все эти годы: они сами создали это оружие, и теперь у него больше не было предохранителя.

— И я требую объяснений, — процедил Даня, чеканя каждое слово. — Прямо сейчас. Кто из вас слил Эссенцию Мертвых?

В Зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием разлагающегося под пальцами Дани стола. Игры кончились. Начался суд.

Глава 8. Предатель

Два часа изматывающих споров, взаимных обвинений и попыток Совета сохранить лицо превратили некогда священный Зал в подобие зала суда, где судьей, присяжными и палачом выступал один-единственный подросток.

Воздух стал настолько густым от напряжения и выплеснутой магии, что Хранителям приходилось прилагать усилия, чтобы просто дышать. Елена сидела, закрыв лицо руками, Усердие тяжело и хрипло дышал, все еще придавленный гравитацией Мрака, а Смирение нервно постукивал пальцами по подлокотнику кресла.

Даня стоял во главе стола, словно гранитный изваяние. Он не сдвинулся ни на миллиметр.

— Вы закончили? — холодно спросил он, прерывая очередную попытку Смирения перевести стрелки на мифических врагов из-за рубежа.

Даня взял со стола стопку бумаг — те самые распечатки транзакций маны и слепки магических аур, которые они с Егором и Вовой по крупицам собирали, взламывая нижние уровни архивов Совета. Он с размаху бросил их в центр стола. Листы веером разлетелись по лакированному дереву.

— Это не Елена, — жестко констатировал Даня, разрушая их теории одну за другой. — Ее сигнатура даже не приближалась к третьему сектору Хранилища в ту ночь. И это не Грехи. Для того, чтобы взломать контур такого уровня снаружи, им понадобилась бы армия. Взлом был внутренним. Системы безопасности отключили вручную, по протоколу высшего доступа.

Даня медленно поднял руку и вытянул указательный палец. Мрак, клубящийся у его ног, хищно метнулся вперед, следуя за жестом.

Палец Дани указывал прямо на Никиту — Хранителя Времени, Пространства, Истории и Событий. На парня с одиннадцатой аллеи, который сейчас сидел, закинув ногу на ногу, и скучающе крутил в пальцах золотую ручку.

— Это был ты.

В амфитеатре повисла мертвая, звенящая тишина. Казалось, остановилось само время. Елена потрясенно подняла голову, Смирение побледнел, утратив всю свою надменность. Обвинить одного из столпов мироздания в пособничестве Смерти — это было невысказано. Это было святотатством.

Но Никита не стал кричать. Он не стал оправдываться или метать молнии.

Тонкие губы Хранителя медленно растянулись в кривой, абсолютно циничной улыбке. Золотая ручка со стуком упала на стол. Никита поднял руки и начал хлопать.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Этот медленный, издевательский звук эхом отражался от мраморных стен, разрезая тишину.

— Bravo, Данилевский. Просто bravo, — голос Никиты лишился старческой усталости и зазвучал с пугающим, звенящим воодушевлением. Он встал из кресла, опираясь руками о стол. Его глаза-звезды с интересом смотрели на Даню. — Честно признаюсь, я думал, тебе понадобится еще пара недель, чтобы сложить пазл. Ты растешь.

— Зачем? — голос Дани дрогнул, но не от страха, а от едва сдерживаемой ярости. Тьма вокруг него взметнулась к потолку. — Алина мертва! Из-за твоей игры погибла девчонка! Ты отдал Каре Эссенцию Смерти! ЗАЧЕМ?!

Никита перестал улыбаться. Его взгляд стал бесконечно тяжелым, древним и пугающе холодным. Он посмотрел мимо Дани, словно глядя в самую ткань будущего.

— Потому что я видел конец, Данилевский, — тихо, без капли раскаяния ответил он. — Я Хранитель Времени. Я видел, как Первородный Хаос, Искарри, прорывают ткань реальности. И я видел, что наш трусливый Совет ничего с этим не сделает, прикрываясь своими законами.

Это признание ударило сильнее любого заклинания. Воздух в Зале стал свинцовым.

— Вы не понимаете, — Никита развел руками, обращаясь к Совету, но глядя только на Даню. — Ты был слишком правильным Героем, Даня. Слишком человечным. Твоя команда начала обрастать жирком спокойствия. Вы бы сгорели в первой же волне Хаоса. Чтобы убить абсолютное зло, мне нужно было создать монстра, который питается Тьмой. Кара была просто катализатором. Я бросил ее в ваш уютный мирок, чтобы сломать тебя. Чтобы заставить тебя эволюционировать в Супериурный Мрак.

Мрак вокруг Дани взревел. Пол под ногами Никиты начал чернеть, но Хранитель лишь горько усмехнулся.

— Ты ненавидишь меня. Отлично. Эта ненависть спасет миры, — Никита поправил воротник своей земной куртки. Его тело вдруг начало мерцать нестабильным, болезненным золотом. — Но запустить этот процесс я мог, только нарушив равновесия. Мое ядро уже распадается. Матрица Совета стирает меня за предательство. Я не доживу до вашего триумфа.

Он раскинул руки в стороны и, запрокинув голову к куполу, произнес слова форсированной передачи силы, от которых у остальных Хранителей застыла кровь в жилах:

— Ave Rivuiz!

Тело Никиты вспыхнуло ослепительным, режущим глаза золотым светом. Кожа начала трескаться, словно пересохшая глина. Из трещин вырывались лучи чистой энергии. За секунду до того, как свет поглотил его полностью, Никита подмигнул Дане.

А затем он просто осыпался.

Ни крови, ни крика. Только кучка сияющего золотого праха на белом мраморе и пустой стул.

— Он... он самоубился! — голос Смирения сорвался на панический визг. Впервые за века Хранитель потерял самообладание. Он вскочил, в ужасе глядя на пепел. — Безумец! Столп ВПИС рухнул! Равновесие нарушено! Кто займет его место?! Если кресло будет пустовать больше часа, пространственно-временной континуум начнет рваться!

В Зале началась настоящая паника. Бессмертные существа метались, не зная, как заткнуть дыру в мироздании.

— Закройте рты! — рявкнул Даня, ударив кулаком по столу с такой силой, что мраморная плита треснула пополам.

Тишина вернулась мгновенно. Все взгляды скрестились на нем. Даня дышал тяжело, но его глаза смотрели холодно и расчетливо. Кризис требовал жестких решений, и он был готов их принимать.

— Кресло не будет пустовать, — твердо сказал Даня, глядя прямо в глаза Смирению. — Егор.

— Что? — опешил Усердие. — Человеческий мальчишка?! Он же даже не прошел инициацию!

— Он прошел ее сегодня, — отрезал Даня. — Никита сам прислал ему приглашение. Егор готов. У него феноменальная связь с потоками времени. Он практически воскресил человека на моих глазах, замедлив некроз тканей до нуля. Он справится. И он будет подчиняться не вашим прогнившим протоколам, а мне.

Смирение открыл рот, чтобы возразить, но посмотрел на пульсирующий Мрак, готовый разорвать их всех на куски, и сглотнул. Спорить с Супериурным Мраком, когда ткань реальности уже трещит по швам, было самоубийством.

— Единогласно, — глухо, сдавленно произнес Смирение, опускаясь в кресло. Остальные Хранители молча кивнули. Пепел Никиты вспыхнул и исчез, отправив печать власти Егору.

Даня развернулся, чтобы уйти. Ему было противно находиться в этом месте. Но проблема не была решена.

— Даня, постой... — тихо окликнула его Элена. — Никита мертв. Но Кара все еще на свободе. И у нее Эссенция Смерти. В Лимбо она была ограничена, но здесь, на Земле... Что она будет делать?

Даня замер у разбитых дверей. Его профиль в полумраке казался высеченным из камня.

— Она не может долго существовать в нашем измерении в своей истинной форме. Ей нужна физическая оболочка, способная выдержать такую силу. — Его голос стал глухим, пропитанным дурным предчувствием. — Она ищет сосуд.

Даня закрыл глаза, и перед его мысленным взором пронеслись лица тех, кто был ему дорог. Кара знала, как причинить ему максимальную боль.

— И я догадываюсь, кто это может быть, — мрачно закончил он, растворяясь в тенях, чтобы немедленно вернуться на Землю.

Глава 9. Горько!

Место: База

Время: Поздний вечер

Война с древними богами, разорванная ткань реальности и интриги бессмертных Хранителей — все это казалось бесконечно далеким здесь, в пропахшей пылью и старым деревом комнате на Базе.

Когда Даня вернулся из Зала Совета, он чувствовал себя так, словно по нему проехался асфальтоукладчик. Физического истощения не было, но морально он был выжат досуха. Тьма внутри него, накормленная гневом и властью, неохотно свернулась в клубок где-то под ребрами, уступая место простой, человеческой усталости.

На Базе горел только один торшер с выцветшим желтым абажуром, отбрасывая на стены мягкий, теплый свет.

Настя сидела на старом, продавленном диване. Она поджала под себя ноги и бездумно водила пальцем по шву на диванной подушке. Услышав скрип двери, она подняла голову. В ее глазах все еще читалась настороженность — отголосок их недавней ссоры и того животного ужаса, который она испытала в лесу.

Но Даня не стал надевать броню Президента. Он молча повесил куртку на крючок, подошел к дивану и, тяжело вздохнув, опустился рядом с ней. Пружины скрипнули. Расстояние между ними было не больше ладони, но после долгих месяцев холодной войны оно казалось пропастью.

Они молчали несколько долгих минут, слушая, как за окном ветер шелестит ветвями старой яблони.

— Я устал, — наконец тихо произнес Даня, глядя на свои руки. На костяшках все еще виднелись ссадины. — Я так чертовски от всего этого устал, Настя. От ссор, от криков, от того, что мы постоянно пытаемся сделать друг другу больно.

Настя перестала теребить подушку. Она осторожно повернула к нему голову.

— Я хочу быть с тобой, — Даня поднял взгляд и посмотрел ей прямо в глаза. В его голосе не было ни капли Мрака, только абсолютная, беззащитная искренность. — По-настоящему. Как раньше. Я не хочу уходить на эти рейды, зная, что мы в ссоре. Я хочу знать, что мне есть куда возвращаться.

Настя судорожно сглотнула. Ее глаза подозрительно заблестели в свете торшера. Вся ее напускная колючесть, вся та защитная агрессия, за которой она прятала свой страх потерять его, начала таять, как лед под солнцем.

— Я тоже этого хочу, — прошептала она, и ее голос едва заметно дрогнул. Она чуть подалась вперед, сокращая расстояние между ними. — Я согласна. Мы начнем заново. Но...

Она запнулась, опуская взгляд на его руки, и вдруг накрыла его холодные пальцы своими, теплыми и живыми.

— Но у меня есть одно условие, Даня.

— Какое? — он был готов пообещать ей что угодно. Звезду с неба, голову Смирения на блюде, новый мир.

Настя подняла на него серьезный, отчаянный взгляд.

— Сделай меня такой же, как ты.

Даня замер. Сердце в груди пропустило болезненный удар.

— Сделай меня бессмертной, — продолжила Настя, сжимая его пальцы. — В том лесу... когда эта тварь появилась, я поняла, насколько я слабая. Я просто человек. Обычный кусок мяса. Если ты будешь жить вечно, а я состарюсь и умру... или если меня убьют на очередной вылазке... Я не хочу оставлять тебя одного. И я не хочу быть твоей слабостью. Я хочу стоять с тобой плечом к плечу.

Даня почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот.

Она не понимала. Никто из них не понимал. Слово «бессмертие» звучало для нее как суперспособность из комиксов. Как неуязвимость.

Но Даня знал правду. Его бессмертие не было даром. Это было самое жестокое проклятие, какое только можно придумать. Проклятие перерождения. Его тело могло умереть, оно умирало сотни раз в прошлых жизнях — в агонии, в огне, захлебываясь кровью. А потом его душа просто впихивалась в новое тело, сохраняя все воспоминания, всю боль и все шрамы на психике. Бессмертие означало хоронить тех, кого любишь, снова и снова, век за веком, пока твой разум не превратится в выжженную пустыню.

Он не мог обречь ее на это. Он скорее сам бы разорвал свою душу на куски, чем позволил Насте пережить хотя бы одну сотую того ада, который нес в себе.

Но сейчас, глядя в ее полные надежды глаза, он не мог сказать ей правду. Не после всего того, что они пережили. Если он откажет сейчас, эта трещина между ними станет непреодолимой.

Даня сглотнул горький ком в горле.

— Я постараюсь, — тихо, но твердо соврал он, глядя ее по щеке. — Я найду способ. Обещаю.

Это была ложь во спасение. Ложь, за которую он позже заплатит самую страшную цену. Но в эту конкретную секунду она сработала.

Лицо Насти осветилось облегчением. Она подалась вперед, обхватила его за шею и прижалась губами к его губам. Это не был жадный, собственнический поцелуй. Это было возвращение домой. Даня закрыл глаза, обнимая ее за талию, притягивая к себе, чувствуя, как бьется ее сердце. На мгновение мир вокруг сузился до них двоих, стал правильным и безопасным.

— АГА! ПОПАЛИСЬ!

Оглушительный вопль разрушил романтику с грацией взорвавшейся петарды.

Даня и Настя резко отпрянули друг от друга.

Из-за спинки продавленного дивана, словно чертик из табакерки, выскочил Захар. Его лицо светилось до ушей широченной, хулиганской ухмылкой.

— Я же говорила! Я знала, что они помирятся! — с визгом выпрыгнула из-за шкафа Аня, победно вскидывая руки вверх. Ее карие глаза блестели от искренней, неподдельной радости за брата.

В ту же секунду дверца старой кладовки с треском распахнулась, и оттуда, едва не отдавив друг другу ноги, вывалились Вова и Егор. Новый Хранитель Времени запутался в швабре и рухнул на колени Вове, но это ничуть не испортило момента.

Оказывается, вся эта банда идиотов сидела в засаде, затаив дыхание, и подслушивала их разговор.

— ГОРЬКО!!! — во все горло заорал Захар, задавая тон.

— ГОРЬКО! ГОРЬКО! ГОРЬКО! — тут же подхватили Аня, Вова и Егор, начав ритмично хлопать в ладоши и топтать ногами, поднимая пыль с ковра. Они орали так громко, что, казалось, их слышит весь дачный поселок.

Настя густо покраснела, закрывая лицо руками, но сквозь пальцы было видно, что она смеется. Даня ошарашенно обвел взглядом своих друзей. Секунду назад он был готов убить

их за испорченный момент, но, глядя на их счастливые, дурацкие лица, он почувствовал, как внутри лопается стальная пружина напряжения.

Он рассмеялся. Громко, искренне, запрокинув голову.

Схватив красную как рак Настю, он притянул ее к себе и демонстративно, на публику, поцеловал еще раз под одобрителный свист и улюлюканье команды. Аня радостно прыгала на месте, обнимая Вову, Захар победно жал руку Егору, словно они только что выиграли чемпионат мира.

Они были просто подростками. Живыми, громкими, счастливыми подростками, которые наконец-то снова стали семьей.

Это был идеальный момент. Момент абсолютного, кристально чистого счастья, который Даня потом будет прокручивать в голове тысячу раз, пытаясь удержать его в памяти.

Никто из них, смеющихся и хлопающих в ладоши, даже не догадывался, что это счастье — последнее. Что счетчик уже запущен. И что буря, которая надвигается на них, сотрет эти улыбки в кровавую пыль.

Глава 10. Башня Безысходности

Место: Лимбо

Время: вне времени

Лимбо не было похоже на библейский ад с кипящими котлами и рогатыми чертями. Это было место куда более страшное. Абсолютная, стерильная пустота. Бесконечный серый лабиринт из искаженной геометрии, где не было ни верха, ни низа, ни звуков, кроме биения собственного пульса. Это была Башня Безысходности, идеальная тюрьма для существ, чья мощь угрожала самому мирозданию.

Кара сидела на краю парящего в пустоте каменного обломка и методично, с леденящим скрежетом, точила длинные черные когти о невидимую стену реальности. Искры не сыпались — пространство просто жалобно стонало под ее пальцами.

Она была в ярости. Унизительной, обжигающей ярости.

Какой-то зарвавшийся подросток с ангельским клинком и Хранитель, прячущийся в теле сопливого школьника, посмели запереть ее здесь. Ее, Богиню Смерти!

Кара зарычала, и ее истинный облик — гигантская тень с костяными крыльями — на секунду проступил сквозь бледную, человекоподобную оболочку. Ей до тошноты надоело быть полубогом, запертым по ту сторону стекла. Эссенция Мертвых, которую ей любезно предоставил предатель из Совета, бурлила внутри, требуя выхода.

Но чтобы высвободить эту мощь на Земле-4562, чтобы открыть постоянные ворота и начать полноценную жатву, ей нужен был идеальный якорь. Физический сосуд. Человек. И не просто любой случайный прохожий. Ей нужен был кто-то из ближнего круга Данилевского. Тот, чье лицо заставит Героя опустить меч. Она хотела уничтожить его изнутри, сломать его психику прежде, чем сломает его тело.

Кара закрыла глаза, посылая свое сознание сквозь слои реальности, прощупывая Сады.
Настя?

Кара мысленно коснулась ауры девушки и тут же раздраженно отдернула щупальце тьмы. Настя была окутана плотным, удушающим слоем защитной магии Дани. Его одержимость этой девчонкой создала вокруг нее ментальный панцирь, который потребовал бы слишком много времени на взлом.

Маша?

Кара принялась сквозь измерения, и ее тонкие губы растянулись в хищной усмешке. Она почувствовала это первой, раньше самих подростков. Два сердцебиения. Внутри Маши зарождалась новая жизнь. Сгусток чистой, первородной энергии.

«О, я обязательно заберу этот десерт позже», — сладко подумала Богиня. — «Но для сосуда она не годится. Беременность делает ауру нестабильной. Слишком рискованно, тело может отвергнуть подселение».

Ее ментальный взор скользнул дальше и остановился.

Аня. Аким. Родная сестра Дани.

Кара открыла глаза. Идеально.

Аня была обычной девчонкой. Милой, доверчивой, слегка наивной. Она всегда находилась в тени своего невероятного, могущественного брата. Пока Даня и его команда играли в Хранителей, Аня читала книги про вампиров, смотрела сериалы про оборотней и мечтала о том, чтобы этот красивый, мрачный, романтический мистический мир оказался правдой. Она хотела быть особенной. Хотела быть частью чего-то великого.

Она сама не понимала, что открыла дверь.

Место: Земля, квартира Дани

Время: 02:15 ночи

Аня лежала на кровати в своей комнате, уставившись в потолок. В комнате было темно, свет исходил только от экрана смартфона. В ее ушах плотно сидели наушники, из которых на полной громкости била тяжелая, меланхоличная музыка.

Она думала о брате, о том, каким пугающим он стал. О Вове, который смотрел на нее с такой нежностью, но казался слишком... обычным на фоне всего этого сверхъестественного хаоса. Ей хотелось иметь силу, чтобы защитить их. Чтобы Даня больше не смотрел на нее снисходительно, как на маленькую девочку, которую нужно прятать за спиной.

Внезапно гитарный рифф в наушниках исказился. Звук поплыл, словно старая кассета, которую зажевало в магнитофоне.

Аня нахмурилась и потянулась к телефону, чтобы переключить трек, но музыка стихла полностью. Вместо нее в образовавшемся вакууме зазвучал голос.

Он был мягким, бархатистым, с легким, гипнотическим эхом. Он звучал не в наушниках. Он звучал прямо в центре ее головы.

— *Здравствуй, Анна...*

Аня резко села на кровати, срывая наушники. Сердце испуганно забилося в горле. Она оглядела темную комнату.

— Кто здесь? Даня? Это ты пугаешь?

— *Твой брат сейчас спит, убаюканный иллюзией безопасности,* — промурлыкал голос, обволакивая ее сознание теплым, успокаивающим наркотиком. Страх начал странным образом отступать, сменяясь замороженным любопытством. — *А я пришла к тебе. Потому что вижу тебя настоящую. Я вижу твой потенциал, который они все игнорируют.*

Воздух перед кроватью слегка замерцал. Из темноты соткался призрачный, светящийся тусклым багровым светом пергамент. Он парил в воздухе, исписанный древними, но почему-то интуитивно понятными символами.

— *Ты ведь устала быть слабой, девочка?* — ласково продолжала Кара, играя на самых потаенных струнах души подростка. — *Устала прятаться, пока другие вершат судьбы миров? Ты так любишь сказки про монстров во тьме, про оборотней, про древнюю силу... Весь этот романтический мрак. Я могу дать тебе это. Я могу дать тебе власть, о которой твой брат может только мечтать. Ты сможешь защитить всех.*

Аня, словно в трансе, спустила ноги с кровати. Ее взгляд был прикован к парящему пергаменту. Разум кричал об опасности, но голос в голове был таким убедительным, таким сладким. Он предлагал то, чего она желала больше всего на свете — значимость.

— Что это? — прошептала Аня, замороженно протягивая руку к светящемуся документу.

— *Просто формальность,* — прошептала Богиня Смерти. Рядом с пергаментом из воздуха материализовалась тонкая, изящная кисть с острым, как игла, металлическим наконечником. — *Подпиши пакт. И мы станем одним целым. Мы станем непобедимы.*

Аня, не контролируя себя, взяла кисть. Острие легко, почти безболезненно укололо ее указательный палец. На кончике выступила капля яркой, теплой крови.

Она поднесла кисть к пергаменту.

Ей казалось, что она подписывает договор с духом-хранителем. Она не знала, что впускает в дом Дьявола.

Как только кровавая подпись легла на призрачную бумагу, пергамент вспыхнул черным пламенем и втянулся прямо в грудь Ани.

Девушка издала сдавленный, булькающий крик.

Кисть выпала из ее рук. Спина Ани неестественно выгнулась дугой, словно позвоночник вот-вот сломается. Суставы хрустнули. Карие, теплые глаза закатились так далеко, что остались видны только белки, по которым мгновенно поползли черные, как чернила, капилляры.

Кара, пробивая барьеры измерений, с жадным упоением вливалась в свой новый сосуд. Она выжигала сознание Ани, заталкивая ее душу в самый темный, дальний угол разума, сковывая ее ментальными цепями.

Тело девушки рухнуло на кровать, тяжело дыша.

Несколько секунд в комнате стояла абсолютная тишина. Затем пальцы рук медленно, хищно сжались в кулаки.

Аня села.

Она открыла глаза. Они больше не были карими. Они были залиты абсолютно черным, глянцевым лаком, без белков и зрачков.

Ее губы медленно поползли вверх, растягиваясь в той самой жуткой, ломающей лицо улыбке, которую так хорошо знал Даня. Девушка подняла руку, с интересом разглядывая свои человеческие пальцы, проверяя моторику нового тела.

— План «Постапокалипсис» начинается, — произнесла Кара голосом Ани, в котором теперь звучало глухое, двоящееся демоническое эхо.

Она тихо, довольно рассмеялась в темноте комнаты. Охота открылась.

Глава 11. Анатомия паранойи

Место: Квартира Дани / Квартира Захара

Время: Спустя две недели после вторжения

Обещания, данные в моменты наивысшего эмоционального пика, имеют свойство разбиваться о суровую реальность быстрее всего. Даня обещал Насте, что они начнут всё с чистого листа. И в ту ночь, на Базе, он искренне верил, что это возможно. Но как можно строить нормальную жизнь, планировать выходные или смотреть кино по вечерам, когда ты знаешь, что где-то по темным улицам твоего города бродит абсолютное зло, вооруженное Эссенцией Смерти?

Шло время, и Даня почти перестал появляться дома. Квартира, которая раньше была их уютным убежищем, теперь напоминала бункер параноика. Всех родителей друзей Даня еще неделю назад под предлогом купленных путевок отправил на другой конец страны, подальше от эпицентра. На стенах появились наспех начерченные углем защитные руны, окна были постоянно зашторены, а на столе в гостиной громоздились стопки карт города с отмеченными красным маркером зонами в которых фиксировались аномальные выбросы маны.

Даня спал по три-четыре часа в сутки, и этот сон больше походил на провалы в бредовое забытие. Остальное время он патрулировал улицы, вскрывал магические убежища местных бандитов из Серой Зоны, жестоко допрашивал мелких бесов. Он искал Кару. И этот поиск стремительно превращался в одержимость, выжигающую в нем всё человеческое.

Щелчок замка прозвучал в тишине квартиры, как выстрел.

Входная дверь распахнулась, и Даня буквально ввалился в прихожую. Он тяжело оперся спиной о стену, оставляя на обоях грязный след. От его одежды разлило сыростью подворотен, запекшейся кровью и кислым запахом чужого страха. Куртка была разодрана на плече — след от когтей какого-то низшего вурдалака, посмеявшего встать у него на пути.

Под кожей Дани, словно живая, извивалась Тьма. Она пульсировала в венах, требуя выхода, питаясь его усталостью и гневом. Ему приходилось тратить колоссальные усилия просто на то, чтобы удерживать ее внутри и не позволить разрушить собственную прихожую.

— Да где же он... твою мать, где?! — хрипло выдохнул Даня, не разуваясь, бросаясь к шкафу-купе.

Он начал лихорадочно перерывать вещи, сбрасывая куртки и обувь на пол. Ему нужен был короткий клинок из стигийской стали — единственное оружие, кроме ангельского меча, способное удерживать заряд Мрака без риска расплавиться в руках.

Из глубины квартиры, шлепая босыми ногами по паркету, неслышно вышла Настя.

Она была одета в его старую, растянутую черную футболку, которая доходила ей до середины бедра. В руках она сжимала кружку с давно остывшим ромашковым чаем. Под ее глазами залегли глубокие, болезненные тени. Она тоже не спала ночами — невозможно спать, когда прислушиваешься к каждому шороху за дверью, гадая, вернется ли твой парень сегодня живым или в виде горстки пепла.

Она молча остановилась в дверном проеме, наблюдая за тем, как Даня в приступе неконтролируемой агрессии вышвыривает вещи на пол.

— Он в чехле. Под нашей кроватью, — ее голос прозвучал тихо, лишенный всяких эмоций. Голос человека, который устал бояться.

Даня замер. Его плечи тяжело опустились. Он медленно повернул голову к ней, и на секунду в его воспаленных, покрасневших глазах мелькнуло чувство вины. Но оно тут же утонуло в лихорадочном блеске охотника.

Он кивнул, не сказав ни слова, и быстрым шагом направился в спальню. Настя прислонилась плечом к косяку, закрыв глаза. Она слышала, как щелкают металлические застежки ножен — он крепил клинок на пояс.

Через минуту он снова появился в коридоре. Готовый к бою. Напряженный, как натянутая тетива.

— Опять уходишь? — спросила Настя. В ее тоне не было ни злости, ни упрека, ни попытки устроить скандал. Только безграничная, выматывающая грусть.

Даня остановился напротив нее. Он поднял руку и осторожно, словно боясь сломать, коснулся ее щеки. Его пальцы были ледяными.

— Я должен, Насть, — его голос дрогнул, выдавая крайнюю степень истощения. — У меня есть наводка. Информатор из нижнего сектора сообщил о всплеске некроэнергии на старом заводе за рекой. След свежий. Если это она... я должен быть там. Если я не остановлю ее, она придет за вами. За тобой.

— Ты убиваешь себя, Даня, — Настя накрыла его холодную ладонь своей. Ее глаза наполнились слезами, но она не позволила им пролиться. — Ты превращаешься в то, с чем пытаешься бороться. Я смотрю на тебя и иногда... иногда я не вижу своего Даню. Я вижу только этот Мрак.

Ему нечего было ответить. Потому что она была права.

Он быстро, скомкано, с отчаянием обреченного поцеловал ее в макушку. Запах ее шампуня на секунду пробил пелену озона и крови в его носу.

— Дождись меня. Запри все двери и не выходи, — шепнул он и, резко развернувшись, исчез за дверью.

Настя осталась стоять в полутемном коридоре совершенно одна. Она прижала к груди кружку с остывшим чаем, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота. Она проигрывала эту войну. Даня медленно, но верно растворялся в своей миссии, превращаясь из человека в функцию. В слепое, безжалостное орудие возмездия. И она не знала, как вернуть его назад.

Пока в квартире Дани сгущались тучи и умирала надежда, на другом конце города, на небольшой уютной кухне Захара и Маши, разворачивалась совершенно иная драма.

Для Захара, несмотря на все его габариты и статус боевого "танка" команды, эти недели тоже стали адом. После смерти Алины он поклялся себе, что больше никто из его близких не пострадает. Он окружил Машу такой заботой, что иногда это доходило до абсурда.

Прямо сейчас огромный, широкоплечий парень, способный голыми руками пробить кирпичную кладку, сидел на табуретке, согнувшись в три погибели над кухонным столом. В его толстых пальцах была зажата крошечная крестовая отвертка. Он, высунув от усердия кончик языка, пытался починить заклинивший механизм старого тостера. Пахло подгоревшим хлебом и кофе.

Это была иллюзия нормальности, за которую он цеплялся изо всех сил. Обычное субботнее утро. Обычный сломанный тостер. Никаких демонов.

Тишину квартиры разорвал крик.

Это был пронзительный, срывающийся, высокий вопль Маши, доносящийся из закрытой ванной комнаты. В этом звуке было столько неконтролируемой эмоции, что у Захара кровь застыла в жилах.

Инстинкты, отточенные в десятках боев, сработали быстрее разума.

Захар подскочил с места с такой первобытной силой, что тяжелая деревянная табуретка отлетела к стене и разлетелась на щепки. Тостер с грохотом рухнул на пол.

В ту же секунду воздух в его раскрытых ладонях вспыхнул. Из пространства, с мерзким металлическим скрежетом, материализовались два массивных, обоюдоострых палаша, покрытых вязкой серой маной. Его кожа мгновенно начала твердеть, приобретая гранитный оттенок — активировалась защитная аура.

Сердце ухнуло куда-то в район желудка, колотясь о ребра с такой силой, что стало больно. В голове билась только одна паническая мысль: *Враги. Кара. Она нашла нас. Она добралась до Маши.*

В два гигантских прыжка Захар пересек коридор. Он не стал возиться с ручкой — просто ударил ногой в районе замка. Толстая дверь ванной с треском вылетела из петель, повиснув на одной, и с грохотом впечаталась во внутреннюю стену.

— МАША, ЗА СПИНУ! — дико заорал Захар, влетая в тесное помещение, вращая клинками, готовый разрубить пополам любое существо из любого измерения. Его глаза бешено сканировали углы, тени, потолок.

Но в ванной не было никого, кроме них двоих.

Ни теней. Ни порталов. Ни демонов.

Маша стояла у раковины, босиком на кафеле. Она была абсолютно цела. Но она дрожала всем телом, прижимая ладони ко рту, из-за которого вырывались сдавленные, истеричные всхлипы. По ее лицу текли водопады слез.

Захар замер, тяжело дыша, словно загнанный бык. Острие одного из его клинков дрожало в сантиметре от зеркала.

— Маш... что? Кто здесь был? — хрипло спросил он, не понимая, откуда исходит угроза.

Маша медленно, словно во сне, отняла одну руку от лица и протянула ее вперед. В ее трясущихся пальцах была зажата узкая пластиковая полоска с крошечным дисплеем.

Захар перевел взгляд на предмет. Его мозг, перегруженный адреналином и готовый к кровавой бойне, забуксовал, отказываясь менять боевой алгоритм на гражданский.

— Захаааар... — Маша всхлипнула так громко, что у нее перехватило дыхание. Она подняла на него огромные, полные слез, но абсолютно, невероятно счастливые глаза. — Две полоски... Захар, там две полоски!

Секунда. Две. Три.

Тишина в ванной нарушалась только шумом капающей из крана воды.

Слова дошли до его сознания, пробивая броню, магические щиты и адреналин.

Две полоски.

Он? Отцом? У него будет... ребенок?

Палаши, сотканые из чистой боевой магии, со звоном выпали из ослабевших рук огромного парня. Они не долетели до пола, растворившись в воздухе облаком серой пыли. Каменная защита сошла с его кожи, оставив его просто парнем. Очень напуганным, безумно счастливым двадцатилетним парнем.

Широкие плечи Захара вдруг обмякли. Его рот приоткрылся, пытаясь захватить воздух, но легкие отказались работать. Глаза грозного «танка» команды закатились.

И двухметровый боец, способный выдержать удар грузовика, с глухим, нелепым стуком сполз по прохладной кафельной стене прямо на коврик для ног, погрузившись в глубокий, абсолютно счастливый обморок.

Это был короткий, яркий, ослепительный луч света в том сгущающемся темном царстве, в которое превращалась их жизнь.

А в это время, где-то далеко, вне пространства и времени, в Зале Совета Хранителей царил абсолютный, неконтролируемый хаос. Потеря Никиты и передача власти неопытному Егору сильно ударила по координации бессмертных.

Голограмма Дани, мерцающая статическими помехами из-за дальности передачи сигнала, возвышалась посреди Зала.

— Данилевский, мы не можем найти ее! — паниковал Смирение, полностью утратив свою фирменную надменность. Он нервно ходил вокруг стола. — Ее след словно стерли из самой ткани реальности! Она научилась блокировать свою ауру! Мы должны объявить глобальную эвакуацию ключевых миров...

— Закройте рты, — холодно и жестко отрезал Даня. Его голографический силуэт рябил от сдерживаемого раздражения. — Ваша тысячелетняя паника меня утомляет. Я найду ее сам. Мне не нужны ваши советники, ваши бумажки и ваши идиотские протоколы. Вы только путаетесь под ногами. Сидите в своей норе и не отвешивайте.

Даня прервал связь, не дожидаясь ответа, и голограмма растаяла, погрузив Зал в полумрак.

Даня был уверен, что контролирует ситуацию. Что он — всевидящий охотник, а Кара — запуганная дичь, которая прячется по грязным подворотням, зализывая раны и боясь поднять голову.

Боги, как же чудовищно он ошибался.

Кара не пряталась в подворотнях. Ей не нужно было убегать от радаров Совета.

В этот самый момент, пока Даня рыскал по заброшенным заводам в поисках некроэнергии, Кара сидела на мягком диване в гостиной брата. Она пила горячий чай с малиной, аккуратно держа чашку изящными пальцами Анны. Она смотрела телевизор, смеялась над глупыми шутками Вовы, который сидел рядом и обнимал ее за плечи.

Она была рядом. В самом сердце их семьи. Идеально слившаяся с сосудом.

Кара, глядя на экран телевизора карими, теплыми глазами сестры Дани, чуть заметно, краешком губ, улыбнулась. Она медленно, с садистским, гурманским удовольствием готовила сцену для своего финального триумфа.

Глава 12. Идеальный паразит

Место: База в Садах

Время: 6-й день непрерывных поисков

Шестой день. Сто сорок четыре часа без сна, без нормальной еды и без единой зацепки. Кара словно испарилась из ткани реальности. Радары Совета молчали, магические ловушки, расставленные Егором по всему городу, оставались пустыми. Это бездействие сводило с ума хуже любой открытой битвы.

Команда собралась на Базе в Садах. Атмосфера в комнате напоминала свинцовый гроб, опущенный на дно океана. Воздух был сизым от сигаретного дыма и пах остывшим, пережженным кофе. Стол был завален картами, исчерканными маркерами.

Захар сидел на диване рядом с Машей. После той сцены в ванной он изменился. В его глазах больше не было той обреченной ярости, с которой он бросался на врагов после смерти Алины. Теперь там был первобытный страх потерять то крошечное, еще не рожденное чудо. Он сидел, неестественно прямо, словно живой щит, и постоянно поправлял плед на плечах Маши, хотя в комнате не было холодно. Новость о беременности они пока решили держать в тайне от остальных — сейчас был не тот момент для праздников.

Даня стоял у зашторенного окна, отодвинув край плотной ткани двумя пальцами, и параноидально сканировал взглядом пустую аллею.

— Аня сейчас приедет, — глухо бросил он, не оборачиваясь к остальным. — Она написала, что уже подходит к воротам.

Настя, дремавшая в кресле, приоткрыла глаза. Вова, сидевший на полу с ноутбуком, мгновенно оживился, закрывая крышку.

Даня раздраженно дернул щекой. Ему категорически не нравилась эта идея.

— Я сказал ей сидеть дома. Квартира опечатана рунами, там безопасно. Но она уперлась. Заявила, что, если я запру ее, она вылезет через окно. Упрямая...

— Вся в Брата — подойдя к Дане, сказала Настя.

Он злился, но за этой злостью скрывался животный страх старшего брата. Даня всегда проявлял гиперопеку Аню, а теперь, когда началась настоящая война на выживание, его инстинкт защитника работал на запредельных, болезненных оборотах. Видя, что его не вывести даже на дружелюбный настрой, Настя вернулась обратно.

К тому же, его раздражал Вова. Точнее, статус Вовы. Даня любил его как брата, считал надежным, преданным парнем, но видеть, как этот парень обнимает его младшую сестру, целует ее, было... невыносимо. Классический конфликт, который в мирное время решался парой колких шуток, сейчас, на фоне тотального стресса, обострился до предела. Дане казалось, что никто в этом мире, кроме него самого, не способен защитить Аню.

Дверь Базы со скрипом открылась.

На пороге появилась Аня. На ней была объемная толстовка Вовы, в которой она тонула, щеки покраснелись от холодного осеннего ветра. Она выглядела абсолютно нормальной, милой, уставшей девчонкой.

Ни один датчик, ни один магический сканер в комнате не пискнул. Никто из присутствующих Хранителей, даже сам Даня с его обостренным чутьем Мрака, не почувствовал, что в комнату только что вошла древняя Богиня Смерти. Кара научилась идеально мимикрировать, пряча свою гнилую ауру под естественным, теплым биополем сосуда.

— Привет всем, — Аня (Кара) улыбнулась. Улыбка была мягкой, чуть виноватой.

Вова тут же подскочил, помог ей снять верхнюю одежду и крепко обнял. Даня, наблюдая за этим от окна, непроизвольно скрипнул зубами и отвел взгляд.

— Дань, выйдем на пару слов? — вдруг сказал Вова. Его голос прозвучал как-то неестественно напряженно, дергано. Он даже не смотрел на друга.

Даня нахмурился, но молча кивнул и вышел за ним на крыльцо. Дверь за ними закрылась, отрезав гул голосов.

Ветер на улице забирался под одежду, холодя влажную от пота спину. Даня достал сигарету и прикурил, пряча пламя зажигалки в ладонях.

— Что случилось? Егор засек энергетический всплеск по камерам? — сразу перешел к делу Даня, выдыхая сизый дым.

— Нет, дело не в Каре, — Вова переступил с ноги на ногу, нервно пряча руки в карманы куртки. Он избегал прямого взгляда, уставившись на грязные доски крыльца. — Дело в Ане. И в тебе. Нам надо поговорить.

Даня замер. Сигарета застыла в миллиметре от его губ. Мрак внутри него предупреждающе заворочался, поднимая голову, как разбуженная змея.

— О чем?

— Мне кажется, ты ведешь себя с ней... слишком, — выдавил из себя Вова, и его голос сорвался на агрессивные, обвиняющие нотки, совершенно ему не свойственные. Обычно Вова был самым эмпатичным и дипломатичным в их команде. — Ты контролируешь каждый ее шаг. Ты проверяешь ее телефон. Ты смотришь на нее так, словно она твоя собственность.

Даня медленно опустил руку с сигаретой. Его глаза сузились.

— Она моя младшая сестра. В городе бродит тварь, убивающая наших друзей. Естественно, я ее контролирую. Что тебя не устраивает?

Вова наконец поднял взгляд. В его глазах плескалась смесь страха и какой-то больной, извращенной уверенности.

— Меня не устраивает то, как это выглядит со стороны, Даня. Это не опека. Это одержимость. Ты давишь на нее. Ты пугаешь ее своей Тьмой. Это... это не похоже на поведение нормального брата. В этом есть что-то... больное.

Несколько секунд на крыльце стояла абсолютная, звенящая тишина. Слышно было только, как ветер скребется о шиферную крышу Базы.

Мозг Дани отказывался обрабатывать услышанное. Слова Вовы были настолько дикими, настолько грязными и абсурдными, что сначала вызвали лишь ступор.

А затем пришла ярость. Вспышка слепого, неконтролируемого, ядерного гнева.

Даня не стал использовать магию. Он действовал на чистых, первобытных инстинктах. Он сделал резкий выпад вперед, схватил Вову двумя руками за воротник куртки, с силой оторвал его от земли и с глухим стуком впечатал спиной в бревенчатую стену Базы.

Вова сдавленно хрипнул, пытаясь перехватить руки друга.

— Ты что несешь, ублюдок?! — прорычал Даня прямо ему в лицо. Его карие глаза начали стремительно наливаться гипнотическим фиолетовым светом. Из-под его пальцев, впившихся в куртку Вовы, поползли черные вены Мрака. — Она моя кровь! Моя семья! Я дорожу ей больше собственной жизни! Если ты, мразь, сейчас намекаешь на что-то грязное в своей параноидальной башке, я клянусь, я тебе прямо здесь голову голыми руками оторву! Ты меня понял?!

Вова побледнел как полотно, чувствуя, как Тьма Дани вытягивает из него тепло, но упрямо поджал губы. Он не ударил в ответ. Он верил, что поступает правильно. Верил, что спасает Аню от монстра.

— Я просто предупредил, — процедил Вова сквозь зубы, с силой отрывая от себя руки Дани. — Оставь ее в покое. Дай ей дышать, пока она окончательно тебя не возненавидела.

Вова отшатнулся, сбежал по ступенькам и, не оглядываясь, быстро зашагал прочь по аллее, растворяясь в тумане.

Даня остался стоять на крыльце один. Его грудь тяжело вздымалась, руки мелко тряслись. Фиолетовый свет в глазах пульсировал, требуя догнать, наказать, уничтожить. Он чувствовал себя так, словно его предали. Облили помоями. Откуда в Вова, в его лучшем друге, взялась эта дикая, ничем не обоснованная, грязная ревность?

Он не мог знать правды.

Даня не знал, что семена этого яда были заботливо, ювелирно посажены чужой рукой.

Кара была гениальным психологом. Она понимала: чтобы сломать команду, не нужно бить магией в лоб. Нужно разрушить их связи изнутри.

Ночами, оставаясь с Вовой наедине, Кара (в теле Ани) разыгрывала блестящий спектакль. Она вздыхала. Плакала на его плече. Она шептала ему выдуманные истории о том, как брат давит на нее, как он заходит к ней в комнату по ночам и просто стоит у кровати, как странно и тяжело он на нее смотрит. Она жаловалась, что боится его Тьмы, что чувствует себя пленницей.

Она использовала искреннюю любовь Вовы к Ане. Она играла на его комплексах — ведь Вова был самым слабым магом в их компании "богов", и ему до смерти хотелось быть героем хотя бы для своей девушки. Кара дала ему эту иллюзию. Она заставила его поверить, что главный враг Ани — это ее собственный брат.

Разлом фундамента, на котором держалась их команда, произошел не с грохотом. Он произошел с тихим, гнилостным хрустом.

Стоя в прихожей Базы у мутного окна, Кара смотрела сквозь стекло на дрожащего от ярости Даню. Ее карие глаза блестели от плохо скрываемого восторга.

Она медленно поднесла чашку с чаем к губам и сделала маленький глоток. Люди оказались такими хрупкими. Их любовь и преданность было так легко превратить в оружие против них самих.

Игра началась просто великолепно.

Глава 13. Свой среди чужих

Место: База в Садах

Время: 23:00, седьмой день поисков

Паранойя — это болезнь, которая пускает корни в тишине. Когда у тебя есть четкий враг, ты знаешь, куда бить. Но когда враг растворяется в воздухе, твой мозг начинает искать угрозу в каждой тени. А потом — в лицах тех, кто стоит рядом с тобой.

Даня стоял на заднем дворе Базы, скрытый в густой тени под навесом. Рядом с ним, прислонившись спиной к бревенчатой стене и скрестив огромные руки на груди, стоял Захар.

— Кто-то сливает информацию, Захар, — голос Дани был тихим, почти шелестящим, чтобы слова не долетели до приоткрытого окна Базы. — Я проанализировал все наши вылазки за эту неделю. Мы всегда опаздываем ровно на шаг. Мы врываемся в убежища сектантов, а там еще дымится пепел. Мы ставим капканы на лей-линиях, а она обходит их так, словно у нее есть наша карта. У нее есть глаза внутри нашей команды.

Захар нахмурился, его тяжелая челюсть напряглась.

— Ты понимаешь, что сейчас говоришь? Это наши. Мы прошли через ад вместе.

— И именно поэтому это так больно признавать, — отрезал Даня, его глаза в темноте слабо блеснули фиолетовым. — Я думал, это кто-то из Совета. Но Совет сам в панике, они не знают, где она. Предатель здесь, на Базе. И мне кажется... это Игорь.

Захар удивленно поднял бровь.

— Игорь? С чего вдруг?

— Ты не замечал? — Даня начал загибать пальцы. — Он отдалился. Почти не участвует в обсуждениях. Постоянно сидит в телефоне, сбрасывает звонки, когда кто-то подходит. На последнем рейде он «случайно» споткнулся и сбил с настройки капкана Егора, из-за чего мы потеряли и время, и след.

— Или он просто устал, Дань, — тяжело вздохнул Захар. — У него нервный срыв после Алины. Или, возможно, он понял, что мы ищем крысу, и теперь пытается нас не запутать, потому что боится, что ты сорвешься на него. Не руби сплеча.

— Я не буду рубить. Я проверю, — процедил Даня, доставая из кармана куртки небольшой, плотно завернутый в черную ткань предмет. — Собирай всех внутри. Я запру двери. Отсюда никто не выйдет, пока я не узнаю правду.

Воздух внутри Базы был спертым и горячим. Восемь человек собрались в тесной гостиной. Все чувствовали исходящую от Дани угрозу. Когда он демонстративно повернул ключ в замке и активировал звукоизолирующий рунный контур на стенах, разговоры мгновенно стихли.

Даня вышел в центр комнаты. Он обвел всех тяжелым, немигающим взглядом. Настя смотрела на него с тревогой. Вова, сидевший на подлокотнике кресла рядом с Аней, напрягся, готовый в любой момент вскочить. Игорь стоял у стены, нервно переминаясь с ноги на ногу и пряча руки в карманы худи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.